

Горе господина Гро

Автор:

Макс Фрай

Горе господина Гро

Макс Фрай

Хроники Ехо #5

Трактир «Кофейная гуща» стоит на границе между новорожденной реальностью и непознаваемым хаосом еще неосуществленных возможностей. Он стал центральным местом действия цикла «Хроники Ехо», в ходе которого старые друзья и коллеги встречаются, чтобы поговорить о прошлом и помолчать о будущем, которое уже почти наступило.

В пятой книге цикла «Хроники Ехо» сэра Кофа Йох расскажет о своей юности, о непростой жизни с призраком отца, о детях, которые не шумят и не играют, а еще о любви, о смерти и о горе, с которым не всегда можно совладать.

Макс Фрай

Горе господина Гро

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

Триша сидит у чердачного окна, не шевелится, почти не дышит. Внизу, в саду, разговаривают гости – Макс и его старый друг. Вообще-то она вовсе не собиралась за ними следить. Даже не знала, что они дома, думала, все где-нибудь гуляют, и эти двое тоже. Она-то нарочно осталась приглядеть за «Кофейной гущей», потому что иногда заходят старые клиенты, если никого не застанут, будет обидно. И действительно – сперва, еще утром, появилась Фанни, а потом и Марк к ней присоединился, сидели, рассказывали новости, а Триша слушала и помалкивала, о гостях она никогда не болтает, пусть даже и с друзьями. Может быть, сами когда-нибудь столкнутся здесь нос к носу и познакомятся, это совсем другое дело.

Вскоре после полудня Фанни и Марк ушли, и Триша как раз собиралась перебрать камешки для морского чая, но услышала наверху какие-то подозрительные шорохи, пошла на чердак поглядеть, что стряслось, а там ничего особенного, просто ожили мертвые бабочки, в этом доме вечно кто-нибудь оживает, Триша уже привыкла. Пришлось открывать окно и выпускать их наружу, чтобы не шуршали и не топали. А в саду, почти под самым окном, гости беседуют, причем Макс сидит на дереве, а Шурф Лонли-Локли – на старых качелях; строго говоря, качели-то совсем новые, но если бы Триша не знала, что Франк повесил их вчера утром, ни за что не поверила бы, выглядят они так, словно уже много лет тут висят, разохшиеся, скрипучие, уютные, как и положено старым садовым качелям, даже слово какое-то на спинке нацарапано на неведомом языке и почти стерлось уже, как будто от времени.

Так вот, гость сидит на качелях, а Макс – выше, на дереве, поэтому разговаривают они достаточно громко, и Трише на чердаке все слышно, ну вот буквально каждое слово. На стук оконной ставни они внимания не обратили – то ли решили, что ветер развлекается, то ли так увлеклись беседой, что не заметили ничего. И конечно, раз уж все так удачно сложилось, Триша теперь отсюда ни за что не уйдет. А что подслушивать нехорошо, так этого ей Франк никогда не объяснял, уж он-то прекрасно знает, что подслушивать – очень даже хорошо, интересно и поучительно, к тому же от чужих секретов пока

еще вроде бы никто не умирал, а от любопытства, говорят, были случаи.

– ...ты же знаешь, я из тебя душу вытрясу, – голос Лонли-Локли при этом звучит не угрожающе, а почти виновато. Дескать, и рад бы не вытрясать ее из тебя, но ничего не поделаешь, придется.

– Вытрясешь, пожалуй, – соглашается Макс. – При условии, что она у меня есть. А что ж, давай, трясси, заодно и проверим.

– Ты сам-то понимаешь, что версия, будто от твоего взгляда рушится Мир, не выдерживает решительно никакой критики? Ты, конечно, могущественное существо, но не настолько. Тоже мне, преемник Лойсо Пондохвы выискался. Смотрю и плачу.

– Правда? А мне казалось, вполне ничего получилось. Во всяком случае мое объяснение не вызывает никакого желания проверять, так ли это. Проще махнуть рукой и оставить все как есть.

– Это при условии, что тебе поверят.

– Ну, Джуффин-то, между прочим, поверил.

– Не обольщайся. Просто не захотел ввязываться в бессмысленный спор. Можно подумать, ты его первый день знаешь. Сэр Джуффин Халли достаточно мудрый человек, чтобы понять: уж если ты сочиняешь столь немыслимую чушь, лишь бы не возвращаться в Ехо, лучше оставить тебя в покое до тех пор, пока не выдумаешь причину получше.

– Ну видишь! – радуется Макс. – Вот ты сам все и объяснил. Приятно иметь дело с мудрым собеседником.

– Э, нет. Это Джуффин мудрый. А я просто умный. Поэтому не делаю вид, будто я тебе поверил, а прошу объяснить все по-человечески. Силком я тебя домой не потащу, сам знаешь. Но мне нужно понимать.

- Легко сказать - «объясни по-человечески». По-человечески я и самому себе объяснить не могу.

- Себе можешь не объяснять. А мне - будь добр.

На этом месте оба начинают смеяться. Триша не понимает почему, но тут уж ничего не поделаешь, у старых друзей всегда полно общих историй, воспоминаний и шуток, понятных только им двоим, а высовываться сейчас из окна и расспрашивать - значит испортить себе все удовольствие. Нет уж.

- Ладно, - наконец говорит Макс. - Тебе - это святое, действительно. Только учти, внятно все равно не получится. И слишком много придется принимать на веру.

- Это условие как раз не представляется мне неприемлемым.

- Ладно, сейчас проверим. Если для начала я скажу, что всякая реальность - живое существо, совершенно не похожее на человека, конечно, но тоже обладающее индивидуальностью, а значит собственными желаниями, устремлениями, представлениями о возможном и невозможном... ну или ладно, может быть, не всякая реальность такова. Поскольку речь идет о нашем Мире, будем говорить только о нем. Ну что, такая дичь укладывается у тебя в голове, или?..

- А почему, собственно, «дичь»? Подобные гипотезы многократно формулировали выдающиеся мудрецы древности и их последователи. Считается, что наиболее убедительно идею разумного мироздания изложил бродячий принц Аллой, младший сын Халлы Махуна Мохнатого, в легендарной книге «Песнь обо всем». Рукопись ее, к сожалению, считается утраченной, поэтому современным ученым приходится довольствоваться фрагментами, которые обильно цитируют в своих сочинениях ученики Аллоя. Строго говоря, положение о разумности и индивидуальной воле мироздания лежит в фундаменте многих традиционных научных воззрений, и, насколько мне известно, до сих пор никому не удалось его более-менее убедительно опровергнуть. Ну что ты так на меня смотришь? Можно подумать, я говорю нечто из ряда вон выходящее.

– Именно это ты и делаешь. Несколько слов – и смутная, но мучительная тайна, которую я, чего уж там, считал одним из признаков прогрессирующего безумия, вдруг превращается в общеизвестную банальность, у студентов-первокурсников небось скулы от скуки сводит, когда им все это излагают. Уффф.

– Ну, положим, к изучению наследия Аллоя обычно приступают лишь на последних курсах – что в университете, что в Высокой Школе, без разницы. Все же древние тексты чрезвычайно сложны для восприятия. А в остальном – да, ты абсолютно прав. Такая постановка вопроса свидетельствует скорее о проницательности, чем о безумии. Ну или о начитанности, но это явно не твой случай.

– Ладно, уже легче. А если я скажу, что с точки зрения Мира меня больше нет, вернее, не может быть – как тебе такая идея?

– Я отвечу, что вряд ли могу с этим согласиться, хоть и странно это – не соглашаться с реальностью, частью которой являешься. С другой стороны, если Мир действительно обладает индивидуальностью, волей, желаниями и представлениями о возможном, ему должна быть присуща и способность ошибаться. Но это всего лишь теория. А для начала я спрошу: с чего, собственно, ты так решил?

– Ну как – с чего. Я же действительно туда возвращался – всего на несколько минут, в башню Мохнатого Дома, как уже рассказывал. Хотел убедиться, что действительно могу вернуться, если захочу; ты же знаешь, я с тех пор, как сбежал из Тихого Города, между Мирами не путешествовал, боялся. Думал почему-то, стоит только сунуться в Хумгат, и – добро пожаловать домой, в смысле, в Тихий Город. Сам не знаю, с чего я это взял, но был совершенно уверен и три года сидел смирно. Очень длинных года, между прочим, не чета вашим, по триста шестьдесят пять дней в каждом, теперь не понимаю, как выдержал и, главное, зачем? Ну, сам дурак, да... И тут вдруг появляется Меламори, говорит, можно возвращаться в Ехо, если хочется – ничего себе новость! Я сказал, что подумаю, как-то набрался храбрости и наконец решился проверить, получится, или нет. Все получилось, Хумгат по-прежнему дом родной, никто там на меня не охотится, иди куда пожелаешь, да вот хотя бы и в Ехо. Я, понятно, ломанулся туда на радостях – а толку-то. Ничего там от моего взгляда, конечно, не растаяло, тут ты абсолютно прав. Просто я сразу почувствовал – как бы тебе объяснить? – мощное сопротивление среды. Я бы и сам рад думать, что это просто игра воображения, но ощущение было скорее

физическое, а тело-то не обманешь... Ну вот смотри, если я сунусь в костер, мне станет очень жарко, потом появятся ожоги, потому что я не приспособлен для жизни в огне, и огонь об этом, скажем так, осведомлен. Можно заставить его изменить мнение – это, собственно, и есть магия, ну, то есть, одно из ее проявлений. Я, конечно, не в огонь попал и ожогов не заработал, а все-таки сразу стало ясно, что я больше не приспособлен для жизни в Мире, вернее, он больше не приспособлен к тому, чтобы я там находился, да как ни назови, один черт. И даже если существует магия, с помощью которой можно уладить эту проблему, я о ней ничего не знаю. Ты хоть примерно понимаешь, о чем я?

– Примерно понимаю.

– И, знаешь, при этом у меня было совершенно четкое ощущение, что Мир в шоке от моего появления. Испуган и возмущен. Дескать, что такое? Этого не может быть! Уберите немедленно или я за себя не отвечаю! Как-то так. Вот я и убрался, пока мы оба не сошли с ума окончательно – в смысле и я, и реальность. Я один – это еще куда ни шло.

– По правде сказать, мое желание понять пока превосходит способность это сделать. Но в любом случае ты правильно поступил, что сбежал. Даже если тебя просто подвело воображение. В таком деле лучше не рисковать.

– Рад, что ты так думаешь. Значит, не нужно будет с тобой спорить. Я это, сам знаешь, не люблю и не очень умею, а ведь пришлось бы.

– Ну я же с самого начала сказал, что силком тебя домой не потащу. Тем более, лично мне от этого никакой выгоды. Все равно в Тайном Сыске я больше не служу. И в своем бывшем доме в Новом Городе не живу. И в трактирах сидеть мне теперь по статусу не положено. И к тому же я целыми днями занят. Виделись бы раз в год, в лучшем случае. А сюда я, пожалуй, буду выбираться несколько чаще.

– Надо говорить: «гораздо чаще». И не только говорить.

– Просто я стараюсь казаться неназойливым гостем. Боюсь, когда дойдет до дела, заставить меня отсюда уйти будет гораздо трудней, чем уговорить вернуться.

– Не стану притворяться, будто твое признание стало для меня серьезным ударом.

– Вот и хорошо. Притворство – не самая сильная твоя сторона. Но погоди, я еще кое-чего не понимаю. В частности, что все-таки случилось с крышей Мохнатого Дома? Хочешь сказать, ты ее специально разрушил, чтобы потом было сподручнее врать?

– Да нет, конечно. Просто... ну, ты имей в виду, я тогда очень испугался. Нет, хуже, чем просто испугался, это был такой ужас, хоть замертво падай. Нервы у меня, ты знаешь, ни к черту, а в последние годы, я имею в виду, с тех пор, как выбрался из Тихого Города, совсем беда. Ну, я тебе рассказывал, какой ценой мне это далось, так что можешь представить... И тут я вспомнил, как наш с тобой общий приятель Лойсо Пондохва говорил, что гнев сильнее страха и лучшая защита от него, дескать, из перепуганных мальчиков выходят самые злые колдуны, да я и сам уже не раз в этом убеждался. Поэтому дал себе команду разозлиться, и все, конечно, у меня получилось. Дескать – ах так, не желаете меня тут видеть?! Ну, я вам сейчас устрою! Хороший был приступ ярости, качественный, вон даже потолок от моего взгляда рухнул, и счастье, скажу тебе, что я не в окно в тот момент смотрел. Зато когда полетела штукатурка, я вполне пришел в себя и смог убраться восвояси. В общем, можешь считать, что сперва мы с реальностью немного подрались, то есть, я двинул ей в глаз и тут же сбежал. Нечего сказать, герой.

– Да уж. Зато такое объяснение вполне согласуется с моими представлениями о твоих возможностях. В связи с этим последний вопрос, потом оставлю тебя в покое.

– Звучит как угроза.

– Расценивай просто как обещание сменить тему. Я, собственно, просто хочу понять, почему ты не рассказал правду Джуффину? И меня сперва зачем-то пытался обмануть. В то время как на мой взгляд, в твоём рассказе нет ничего такого, что необходимо скрывать любой ценой.

– Ну сам подумай.

Макс умолкает; до Триши доносится тяжелый вздох.

– Я же не знал, что у вас про мыслящую, одушевленную реальность даже в учебниках написано, – наконец говорит он. – Думал, все, приехали, мое безумие окончательно вышло из-под контроля, и дальше будет только хуже. Погоди, не перебивай, не такой уж я паникер. Это, к сожалению, был далеко не единственный признак. Скорее просто последняя капля. Я же почти каждый день просыпался, не понимая, кто я, где нахожусь, что было прежде, как тут все устроено, и что в связи с этим следует делать. Вернее, еще хуже, у меня было слишком много противоречащих друг другу версий, одна другой достовернее. Как будто я живу не одну, пусть даже очень запутанную и непростую жизнь, а несколько дюжин одновременно. К счастью, к тому времени, как это началось, я успел кое-что записать. Поэтому можно было понять, на какие воспоминания стоит опираться, а от каких следует поскорее избавиться, если выйдет. Выходило, к слову сказать, не очень, но, по крайней мере, я мог делать вид, будто со мной все в порядке.

– Не знаю, что и сказать. Ты, возможно, удивишься, но, на мой взгляд, с тобой действительно все в полном порядке. Если бы ты был безумен, я бы заметил. Но, по-моему, ты в неплохой форме; с учетом всех предшествующих обстоятельств, я бы сказал – в отличной.

– Ну да, теперь-то все хорошо – здесь, в Городе. Он мне на пользу, а я, кажется, на пользу ему. Франк говорит, мое присутствие – что-то вроде клея, и я, наверное, понимаю, что он имеет в виду, хотя пока стараюсь не задумываться. Так что на какое-то время проблему можно считать решенной, а дальше будет видно. Но еще несколько дней назад я был твердо уверен, что моя неудавшаяся попытка вернуться в Ехо, вернее, бурная ссора с якобы восставшим против меня Миром – скверный симптом. И признаваться Джуффину: ой, я тут у нас сошел с ума, спасайте немедленно! – мне не хотелось. Поэтому и сказал ему первое, что пришло в голову, лишь бы отстал – тем более это, пусть с оговорками, а все-таки часть правды. Я, видишь ли, уже привык справляться сам. Или не справляться. Но все равно сам. Хорошая привычка, не стоит от нее вот так сразу отказываться.

– Да. Это я могу понять. И возразить тут нечего. Действительно чрезвычайно полезная привычка.

– Рад, что ты со мной согласен. В награду покажу тебе канатную дорогу. Ту самую, помнишь?

– Если я скажу, что забыл, ты поверишь?

– Вообще-то я любому твоему утверждению поверю, по старой памяти. Но да, мог бы не спрашивать.

Душераздирающе скрипнув напоследок, качели останавливаются, Макс, чертыхаясь, слезает с дерева, и они уходят, а Триша остается на чердаке, наедине с чужой тайной. Есть вещи непонятные настолько, что их не только обдумывать – запомнить невозможно. Но она отлично знает, как следует поступать с такими сокровищами. Достает из своего сундука красную стеклянную бутылку – подходящее хранилище для тайны. Если заткнуть ее пробкой и запечатать сургучом, совсем отлично получится.

В сумерках в «Кофейную гущу» зашла Алиса, которая живет в большом доме на холме. Триша ей всегда рада, а уж сегодня – как никогда, потому что гости возвращаться не спешили, и Франк куда-то запропастился, а она не привыкла подолгу сидеть одна, пару часов – с удовольствием, а потом лучше бы все-таки кто-то появился. Ну вот Алиса и появилась, сидела до темноты, а когда начала собираться, из сада пришел Франк, и все окончательно встало на свои места.

Гости вернулись совсем поздно. Историй на этот раз никто не рассказывал, просто болтали, поэтому кофе Франк не варил, обошлись Тришиным морским чаем, всем очень понравилось, хвалили наперебой, не зря она, выходит, камешки перебирала, старалась. Хорошо.

Кое-как одолев свою порцию лимонного пирога, Триша вдруг почувствовала, что страшно устала, и первой отправилась в спальню, но заснуть почему-то не смогла. Ветер, весь вечер хлопавший ставнями и скрипевший древесными стволами, к ночи окончательно вышел из себя, принялся по-разбойничьи свистеть, злорадно завывать в трубах и швыряться черепицей.

Триша сперва потрясла свою копилку с песенками – тщетно, копилка молчала, не желая соперничать с ветром, так что пришлось жечь лампу и разглядывать шарики из цветного стекла; под конец она даже начала было штопать полосатый носок, оставшийся от кого-то из гостей, да бросила дело на середине, чего с нею то ли очень давно, то ли вообще никогда не случилось. Поглядела в зеркало, увидела в собственных глазах страх, испугалась еще больше,

накинула длинную, до пят, вязаную кофту и пошла искать Франка. Он, конечно, будет насмешничать, и поделом ей, нашла чего бояться – ветра, вот дурочка! Ну и пусть себе смеется, на здоровье. Зато рядом с Франком не страшно, лишь бы только нашелся, по ночам он редко дома сидит, ох.

Стоило выйти из флигеля в сад, тут же оказалось – ничего страшного не происходит. Ну, ветер, подумаешь. Не такой уж и сильный, как казалось, пока сидела взаперти, затворив окна, прислушиваясь к свисту и грохоту. Собственно, и Франка теперь искать не обязательно, зато можно пойти на кухню, приготовить себе чай из птичьего крика, липового цвета и сушеных ягод – если уж все равно вышла.

Обогнув дом, Триша увидела, что в кухонных окнах все еще горит свет, потом услышала, как Франк говорит: «Да ну тебя, не выдумывай, этот ветер всегда дует просто так, ради удовольствия дуть, к тому же я, грешным делом, слишком плотно его покормил», – и стало понятно, что там, на кухне, происходит очередной Самый Интересный В Мире Разговор, который ни в коем случае нельзя пропустить, а значит, опять придется тихонько стоять за дверью и слушать. Такой уж сегодня выдался день.

– Я рад, что буря не из-за меня, – говорит Шурф Лонли-Локли. – Но все равно. Если я вот прямо сейчас не возьму себя в руки и не уйду, завтра меня палкой отсюда не выгонишь, и послезавтра не выгонишь, и вообще никогда, а ты ведь и трудиться не станешь.

– Не стану, – соглашается Франк. – Но и держать тебя силком не собираюсь. Я примерно представляю, что это такое – дела и обязательства. Они тебя даже отсюда за шиворот вытащат, и вообще откуда угодно. Сочувствую. С другой стороны, ты вернешься, когда пожелаешь. Не вижу никаких препятствий. Дорогу ты уже знаешь, письменные приглашения больше ни к чему; впрочем, и в приглашениях, как я понимаю, недостатка не будет, если что.

Гость молчит. Он, наверное, сейчас вопросительно смотрит на Франка, или разглядывает свои руки, или просто уставился в окно. Тут одного слуха мало, стоя за дверью, не поймешь, как и зачем молчит человек.

– Все это как-то уж совсем хорошо, – наконец говорит он.

- Это - нормально, - Триша по-прежнему не видит лиц, но чувствует, что Франк улыбается. - «Совсем хорошо» в том виде, как я это себе представляю, тебе пока не светит. Не сейчас.

Они молчат. Триша думает: а не зайти ли все-таки в кухню? Спросить, не нужно ли чего, приготовить чай, посидеть вместе. Но любопытство пересиливает. Ясно же, что при ней они не станут продолжать этот разговор, а начнут какой-нибудь другой, и не потому, что ей нельзя знать чужих секретов, просто беседа вдвоем и беседа втроем - совсем разные вещи, и те, которые вдвоем, обычно и есть самые интересные, так уж все устроено.

- Думаю, ты будешь навещать нас очень часто, - тем временем говорит Франк. - Я не то чтобы настаиваю на таком развитии событий, я его просто предвижу - и полностью одобряю. Твое присутствие здесь более чем уместно. Ты очень нравишься Городу. Ему, собственно, почти все новички нравятся, но обычно его чувства сродни симпатии, какую испытывают добродушные люди к чужим детям и кошкам. С тобой - не то. Ты в его глазах - важная персона.

- Ты сейчас говоришь удивительные вещи.

- Говорить неувидительные вещи и без меня найдутся охотники.

Они снова молчат. Триша, затаив дыхание, ждет продолжения.

- Я отдаю себе отчет, что мой вопрос может показаться бестактным, - наконец говорит гость. - Но помнишь, я не раз говорил, что очень не люблю не понимать. Так вот. Про тебя, Франк, я вообще ничего не понимаю. И очень хочу спросить, кто ты, хоть и осознаю, что...

- Да ладно тебе, - перебивает его Франк. - Вопрос как вопрос. Закономерный и естественный, я бы сказал. Другое дело, что ответов на этот вопрос великое множество. И я не уверен, что знаю ответ, который тебя устроит.

- А ответ, который устраивает тебя самого, существует?

- Ну, видишь ли, меня вообще все устраивает. Мне-то все равно.

- Да, следовало ожидать, что ты так скажешь.

- Но это не значит, что я не постараюсь тебе угодить. Тебе-то действительно требуется все понимать или хотя бы иметь возможность обещать себе, что когда-нибудь поймешь. Так уж ты устроен, а переделывать тебя - не моя работа. И не факт, что это вообще нужно - переделывать тебя, я имею в виду... Хочешь еще чаю?

Судя по тому, что в кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь глухим перестуком посуды и звонким журчанием льющейся воды, отказываться от предложения гость не стал.

- Я - возможность, - наконец говорит Франк. - Я - то, во что теоретически может превратиться твой друг, если обуздает две непобедимые стихии - время и себя. Но превратится он или нет, неведомо, а я уже есть, потому что, согласишься, глупо было бы с моей стороны сидеть на месте и ждать, пока кто-нибудь в меня превратится... Не смотри на меня так, я, разумеется, не Макс, чудесным образом заявившийся сюда из какого-нибудь невообразимо далекого будущего. Никакого будущего, к слову сказать, нет, и быть не может, зато есть великое множество рек времени, которые то текут параллельно друг другу, то вдруг сливаются в один мощный поток; этот Город построен именно в таком месте, поэтому и только поэтому тут возможно все, в том числе я - смутная, но многообещающая возможность, которая реализовалась совершенно самостоятельно, сама по себе, без какого-либо участия заинтересованной стороны. И имей в виду, то, что ты услышал, - далеко не единственный верный ответ на твой вопрос. Просто наиболее уместный в данных обстоятельствах.

- Не хотелось бы тебя разочаровывать, но понятным твой ответ назвать сложно.

- Другие еще хуже, - смеется Франк. - Уж поверь.

Потом они молча пьют чай, а Триша стоит, открыв рот, потому что теперь она тоже ничего не понимает - и это про Франка-то, который, сколько она себя помнит, всегда где-нибудь рядом, так что до сих пор у нее и вопросов никаких не было, кто он такой. Франк - он и есть Франк, этого вполне достаточно. Хорошенькое дело, - думает она, - Франк и не Франк вовсе, а какая-то «возможность». Ну а я тогда, интересно, кто? Еще одна «возможность»? А все

остальные? Ну ничего себе! Любопытство сгубило кошку – так, скорее всего, сказал бы сейчас Франк, если бы узнал о ее терзаниях, но он не знает, а если и знает, виду не подает, сидит себе на кухне с гостем, чаю ему подливает. И правильно, потому что уже минуточку спустя Триша думает: а, ладно, какая разница, кто как себя называет и что о себе рассказывает. Я – это я, а Франк – это Франк, ничего не изменится, хоть тысячу непонятных слов произнеси, а если вдруг изменится, то уж точно не от слов. Зато со словами гораздо интереснее, такого можно напридумывать, что – ой!

– Знаешь, – тем временем, говорит гость, – здесь, в этом Городе, на твоей кухне, я, пожалуй, готов согласиться с чем угодно, в том числе, с вещами, которых не понимаю. Более того, даже с собственной неспособностью что-то понять я вполне могу примириться. Я, конечно, все равно стараюсь, но это скорее по привычке, а по большому счету, мне все равно. Но этот «большой счет»... Макс сейчас сказал бы, что он открыт на мое имя только в местном банке, и больше нигде. Поразительное все-таки место этот твой... ваш... наш Город.

– Есть такое дело, – соглашается Франк. – Хорошее вышло местечко. Сам иногда удивляюсь. Впрочем, я всегда был уверен, что сотворение нового мира должно начинаться не с начала, а откуда-нибудь с середины и продолжаться потом не только вперед, а во все стороны сразу. Так и работа спорится веселей, и результат куда забавней, правда?

– Все же «забавными» я обычно называю несколько иные вещи.

– Неважно, что и как ты называешь. Важно, как ты себя чувствуешь.

– О да. Здесь я чувствую себя практически белым листом. Человеком без прошлого, почти новорожденным. Память, насколько я могу судить, мне не отказывает, но пока я рассказывал о себе – вчера, например, – чувствовал себя лжецом. То есть все это конечно происходило, вопрос – с кем? И ответ мне, имей в виду, совсем не нужен. Не со мной – и хорошо. Наконец-то. Я, если можно так выразиться, не могу простить своему прошлому тот факт, что оно у меня было. Не потому что оно мне не нравится, кое-что до сих пор очень нравится, а со всем прочим вполне можно жить. Но все равно это довольно нелепо – иметь одно-единственное прошлое. Лучше уж вовсе никакого. Вот Макс давеча мне пожаловался, что по утрам его одолевают противоречивые воспоминания о вчерашнем дне, словно несколько жизней одновременно проживать приходится. Говорил, очень трудно с этим справляться. А я слушал и, знаешь,

скорее завидовал, чем сочувствовал. Поменялся бы не глядя, честно говоря.

– О, это совсем не проблема. Даже меняться ни с кем не придется. Прошое, видишь ли, пластично и переменчиво, – говорит Франк. – Ты даже вообразить не можешь насколько. Особенно здесь. Знаешь, в этом городе есть дома, пустые, но уютно обставленные; если в такой дом сунется из любопытства сосед или случайный прохожий, дверь будет заперта, а вот перед гостем, которому позарез необходимо стать кем-нибудь другим, она сама распахнется. А там, внутри, такой уютный желтый свет и запах ванили, слегка приправленный дымом, захочешь – не пройдешь мимо, потому что сразу ясно: это твой дом. Войдя, обнаружишь, что чайник уже закипает на плите, в камине трещат уголья, а домашние туфли непременно окажутся впору, и теплый хлеб в духовке, в точности такой, как ты всегда любил. Останешься, поужинаешь, заночуешь в этом доме, а поутру вспомнишь, как провел здесь детство и юность, бегал за пряниками на Сладкий рынок и в лавку на углу, смотреть книжки с живыми картинками, ходил в Подводную школу, которую специально построили на дне озера, чтобы детям не хотелось прогуливать уроки, а потом расчувствуешься, чего доброго, сядешь писать письмо родителям, которые – ты будешь в этом совершенно уверен – до сих пор живы-здоровы, просто переехали в другой город, надо бы, кстати, как-нибудь выбраться их навестить. Понимаешь, да?

– Пожалуй. Интересные дела у вас тут творятся однако. Ничего не скажешь. А, кстати, если я все-таки поеду навещать этих гипотетических родителей, которые якобы переехали? Они где-нибудь обнаружатся?

– Будешь смеяться, но, скорее всего, да. Они, и твои бывшие одноклассники, и старик учитель, господин Тракк, который в незапамятные времена рассорился с буквой «в», и с тех пор его ученики стараются употреблять ее пореже, а если все-таки случится нужда, пишут криво и неразборчиво, зато все прочие буквы выводят, как истинные каллиграфы. Словом, все, о ком ты вспомнишь, найдутся, стоит только пожелать – если, конечно, по дороге к родителям ты не заночуешь еще в каком-нибудь зачарованном доме – тогда наутро тебе будет не до них. А подобный исход весьма вероятен. Я уже хорошо знаю, каких чудес и сюрпризов следует ожидать от этого Города, но в здешних окрестностях, честно говоря, такое творится, что я сам пока не до конца разобрался. Надеюсь, Макс составит мне компанию, а может быть и ты со временем присоединишься. Буду рад.

– Спасибо за приглашение. Хочется верить, однажды я смогу его принять.

Помолчав, гость спрашивает:

– Я правильно понимаю, что в зачарованных домах остаются ночевать добровольно? Или это ловушки?

– В каком-то смысле, конечно, ловушки. Но это слово обычно употребляют, когда хотят сказать, что человека хитростью заманили в опасное и враждебное место. А наши зачарованные дома вовсе не враждебны; прошлое, которое они предлагают страннику, обычно приходится ему впору и по сердцу, с ним куда как легче, чем с тем тяжким грузом, который приходилось влечь прежде. Личность и характер, сформированные тяжелыми и запутанными обстоятельствами, остаются, а самих обстоятельств как не бывало, мало ли, что может присниться под утро – оцени, какой роскошный подарок! Ну и все прочие ловушки этого Города скорее сродни обаятельной улыбке, чей обладатель, конечно, без приглашения вламывается в твою жизнь и в твое сердце, но вряд ли можно сказать, что он сделал это обманом. Обаятельная улыбка – часть правды о человеке; обычно – немаловажная часть. Я понятно объясняю?

– Вполне. Впрочем, я сам мог бы вспомнить, что реальность всегда похожа на своего создателя, тогда и вопросов не возникло бы. Скажи, а много ли находится желающих играть в такие игры? Я имею в виду, ночевать в этих ваших зачарованных домах? Насколько я знаю людей, они должны очень бояться столь радикальных перемен.

– Ну, видишь ли, когда человек попадает в Город, свита привычных страхов вынуждена оставить его на границе, такую контрабанду наша таможня не пропускает. Здесь вполне возможно испытать подлинный ужас, в чем ты, как я понимаю, убедился на собственной шкуре. Но бояться неведомо чего просто по привычке? Немыслимо, недопустимо, невозможно – пока ты в Городе, конечно. Поэтому желающих, могу тебя заверить, предостаточно. Раньше все здания в Городе в той или иной мере обладали описанными свойствами. Теперь почти все они заселены. Нормальные жилые дома, у каждого своя немудреная, но трогательная история, все как везде. А как ты думаешь, откуда бы еще взяться в новорожденной реальности простым, так сказать, горожанам, мирным обывателям? Сюда часто заносит неприкаянных, не слишком счастливых людей, которым страстно хочется считать свою прежнюю жизнь пустым, ничего не значащим сном. По правде сказать, многим это совершенно необходимо,

иначе невозможно будет иметь с ними дело, да и сами они вряд ли уживутся с собой. Ну и Город идет им навстречу, он у нас, как ты уже мог заметить, весьма гостеприимен. Когда-нибудь сам попробуешь – если захочешь, конечно. С твоей привычкой к самоконтролю можно не опасаться влипнуть всерьез. Так – развлечешься и бросишь, когда надоест.

– Да, думаю, это будет чрезвычайно интересный опыт. Но – не сейчас, пожалуй.

– Конечно, не сейчас. Когда-нибудь, я же говорю. Жителям и гостям Города позволительно думать, будто у них впереди вечность. В обычных обстоятельствах от такой идеи, прямо скажем, больше вреда, чем пользы. Но здесь эта роскошь вполне по средствам каждому.

Франк еще не договорил – там, за дверью, а на Тришино плечо ложится его горячая рука. Обернувшись, она, как и следовало ожидать, видит перед собой Франка, а на кухне по-прежнему звучит его голос. Такого, честно говоря, еще не случалось, но, если подумать, удивляться тут особо нечему.

– Все самое интересное ты уже услышала, – почти неразличимым шепотом говорит Франк и дружески подмигивает, чтобы она не смущалась. – Теперь иди спать. Ветер уже почти утих, не будет тебе мешать.

Триша молча кивает и, бесшумно ступая, уходит к себе, но, прежде чем заснуть, достает из сундука еще две стеклянных бутылки, зеленую и другую, почти прозрачную, цвета только что заваренного чая. Ей совсем не хочется оставлять чужие тайны при себе до утра. Лучше уж сразу спрятать, заткнуть пробкой, запечатать сургучом, так ей будет спокойнее.

А утром она мало что может вспомнить; если бы не три разноцветных стеклянных сосуда, в которых теперь, если потрясти, со стуком перекатываются чужие тайны, Триша вполне могла бы подумать, что все эти тревожные разговоры – просто чужой сон, приснившийся ей по ошибке. Здесь, в Городе, это часто случается, названия улиц, переулков и мостов меняются гораздо чаще, чем печатаются новые карты, поэтому сны вечно путают адреса, топчутся растерянно в подворотнях; устав искать тех, кому предназначены, они снятся кому попало, но никто не досаждает на путаницу, так даже интереснее.

За завтраком собрались вчетвером – Шурф Лонли-Локли сдержал таки обещание, отправился домой, заниматься своими загадочными делами. Триша долго терпела, потом не выдержала и напрямик спросила Макса: а еще каких-нибудь гостей ты пригласишь? Потому что к хорошему быстро привыкаешь, и теперь даже думать не хочется, что новых людей и новых историй долго не будет.

– Прекрасно тебя понимаю, – кивнул он. – Еще вчера ночью отправил очередную открытку. Так что будут тебе гости, Триша. Все будет.

Обещание его прозвучало довольно мрачно. Непонятно, то ли гости ожидаются неприятные, то ли истории у них скучные. Но этого не может быть, Триша точно знает.

– У тебя такой вид, словно ты намерен принести себя в жертву ради наших развлечений, – сочувственно говорит Меламори. – Что, видеть никого не хочешь?

– Знаешь, сам не пойму. Да нет, не то чтобы не хочу, скорее мне все равно, хотя теоретически я же должен подпрыгивать от нетерпения и восторга. Но не подпрыгиваю почему-то. Вероятно, в моем исполнении спокойствие выходит похожим на скверное настроение. Но это не оно, честное слово.

– Тогда ладно, – соглашается Меламори. Но глядит на него недоверчиво.

– Да, отсутствие энтузиазма тебе совсем не к лицу, – улыбается Франк. – Девочки уже ждут конца света, зуб даю. Так что ты, будь любезен, все-таки подпрыгни от нетерпения и восторга, хотя бы пару раз. Чтобы разрядить обстановку. А то со стороны твое спокойствие сильно смахивает на усталость и равнодушие. С чего бы? Ты дома, жизнь, можно сказать, только начинается, все будет, как пожелаешь – самое время для восторженных прыжков. Нет?

– Теоретически – да, самое время, – говорит Макс. – А на деле пока не выходит. Ты прав, здесь, сейчас я дома, и все будет, как я пожелаю, а я, конечно же, ничего не желаю, потому что у меня и так есть абсолютно все, что нужно для счастья. Спасибо, заверните, я возьму с собой.

– Сейчас ты скажешь, что этого мало, – смеется Франк.

- Нет. Я скажу, что этого много, даже слишком, потому что меня - мало.
Ну, то есть гораздо меньше, чем требуется, чтобы вместить этот Город, всех вас, и еще пару-тройку отсутствующих в придачу. Если я позволю себе любить еще что-то, или кого-то, неважно, меня разорвет в клочья, будете потом с Тришей рукодельничать долгими дождливыми вечерами, сшивать меня как лоскутное одеяло.

- Ничего, - говорит Франк. - Надо будет - сошьем. Лучше прежнего.

- Кто бы сомневался. Ладно, не бери в голову, я скоро вырасту, и все в меня поместится. Причем учти, вторая чашка кофе поместится в меня прямо сейчас. И не хочу, конечно, пугать тебя заранее, но предвижу, что третья - тоже.

- Что в тебе по-настоящему прекрасно, - говорит Меламори, - так это умение несколькими словами разрядить напряженную обстановку, которую перед этим сам же и создал, причем на пустом месте. Который год тебя знаю, а до сих пор на это покупаюсь. Невозможно устоять.

В сумерках Триша отправилась на рынок за серыми яблоками. Давно собиралась испечь с ними пирог, удивить гостей, но купить серые яблоки можно только вечером: от солнечного света они мгновенно теряют аромат, становятся рыхлыми, приторно-сладкими и быстро, буквально за пару часов сгнивают окончательно. Поэтому когда в садах на окраине среди прочих деревьев появляются огромные черные чехлы, это значит, что созрел новый урожай серых яблок, и у входа на рынок поставили специальный ночной прилавок для торговцев, самое время мешать тесто для пирога и отправляться за лучшей в мире начинкой. Хорошо, что фонари и лампы этим яблокам не страшны, а то пришлось бы покупать их в каком-нибудь темном подвале, и пирог потом печь наощупь. А так - просто дополнительное удовольствие, почти приключение. Все нормальные люди ходят на рынок с утра пораньше, а тут вдруг - на ночь глядя. Чудеса.

Все это она по дороге объясняла Меламори, которая вызвалась составить ей компанию, сказала, не нагулялась за день. По идее, ноги должны бы уже гудеть, но не гудят, что хочешь с ними делай. И по-прежнему ужасно интересно, куда сворачивает вон та улица, и вот эта, и еще та - да сколько же их тут?!
Невозможно остановиться.

Поэтому на рынок они пошли вдвоем, а обратно решили возвращаться кружной дорогой, даже заблудились немножко, ровно настолько, чтобы зайти в кафе, перевести дух, съесть по порции орехового мороженого и сообразить наконец что нужный мост – вот же он, в двух шагах. Хорошо хоть корзину с яблоками под столом не забыли на радостях.

А когда они вернулись, в «Кофейной гуще» уже сидел новый гость, худощавый господин средних лет, с узким, как бритва, лицом, по-птичьему пронзительным взором и крупным, породистым носом. Он довольно сердито втолковывал что-то Макс и Франку, те же слушали его с нескрываемым удовольствием, причем Франк уставил стол едой, не дожидаясь, пока все соберутся – ну и дела!

Триша думала, Меламори сейчас обрадуется и побежит обниматься с хмурым незнакомцем, ну или хотя бы просто поздоровается, но та замерла на пороге и с удивлением разглядывала гостя.

– Ты бы нас все-таки познакомил, Макс, – наконец сказала она.

Тот поглядел на нее с нескрываемым изумлением; потом рассмеялся и схватился за голову – одновременно.

– Слушай, ну конечно, ты же его не узнала! Я как-то не сообразил, что ты никогда не уезжала из Ехо в компании сэра Кофы. За пределами столицы он всегда выглядит именно так; я думал, что узнал об этом последним, а ты, выходит, до сих пор не в курсе. Надо же.

– Так это вы, Кофа? – вздохнула Меламори. – Простите, вас совершенно невозможно узнать – впрочем, как всегда. Но здесь-то зачем менять внешность?

– Ты так и не поняла, – укоризненно сказал гость. – До сего дня я полагал тебя более-менее сообразительной. Здесь я в кои-то веки таков, каким родился. Знакомый тебе облик – просто маскарад, как и все остальное, с той лишь разницей, что от него не так-то просто надолго избавиться. Собственно, отъезд из столицы – единственный известный мне способ. Все-таки мой покойный отец был очень хорошим колдуном, хоть и употребил немалую часть жизни на то, чтобы избавиться от собственного могущества. Ну что ты так на меня уставилась? Конечно это Хумха меня заколдовал, кто же еще? Сперва пробовал перевоспитать, но не преуспел. И решил, если уж единственный сын совершенно

не соответствует его представлениям об идеальном наследнике, это дело можно поправить, для чего же еще существует магия. Я сам, разумеется, остался таким, как был, переменились лишь внешность и манеры, но, по крайней мере, смотреть на меня отцу стало несколько приятнее. Ты удивлена? Напрасно, родительская любовь еще и не до такого людей доводит. Твой собственный папочка, будь уверена, поступил бы с тобой точно так же, если бы сумел. Но куда ему до Хумхи.

- Корва-то? Ну нет, вряд ли. Мне кажется, в глубине души он доволен, когда мне удастся повернуть все по-своему. Это наглядно доказывает, что я пошла в него, а значит, по большому счету, Корва все-таки получил, что хотел.

- В таких случаях обычно говорят: «тебе виднее», но я-то знаю, что ты до сих пор склонна его идеализировать.

- И все-таки в данном случае мне действительно виднее.

- Наивность – неотъемлемая черта молодости. Сколько раз давал себе слово не вести серьезных разговоров с людьми, которым еще не исполнилось трехсот...

- Еще считается, будто вдали от Эхо у сэра Кофы портится характер, – вставил Макс. – Но знаешь, по-моему, эти слухи весьма преувеличены.

- Да ну? Я бы не сказала.

- Он не портится, – сурово отрезал гость. – Просто становится таким как следует. А не таким, как нравится всем вам.

- Ладно, договорились, – кивает Меламори. – Все равно я вам очень рада. Хорошо, что Макс вас сюда вытащил.

- Не «вытащил», а пригласил. Таскают котят за шкуру.

- Ну да, конечно, пригласил. Не придирайтесь по пустякам, Кофа. Перед вами у нас гостил сэр Шурф, большой любитель точных формулировок, я еще дух перевести не успела, а теперь и вы туда же. Давайте лучше познакомлю вас

с Тришей. Сегодня вечером она, можно сказать, самый главный человек в этом городе и вообще во вселенной, потому что собирается испечь для нас пирог с серыми яблоками. Я их всю дорогу нюхала, и знаете что? Думаю, даже вы будете приятно удивлены.

– Здравствуй, Триша, – очень серьезно говорит незнакомец. – Я чрезвычайно рад с тобой познакомиться. Тем более что судьба предстоящего вечера целиком в твоих руках. Отнесись к этому серьезно, очень тебя прошу.

Триша страшно смутилась, пискнула что-то совершенно неразборчивое, даже сама толком не поняла, что собиралась сказать, и поспешно удрала к плите. Хорошо все-таки, что затеяла пирог. Под этим предлогом можно сколько угодно прятаться за стойкой – по крайней мере, до тех пор, пока пирог не будет готов, но к тому времени она наверное хоть немножко привыкнет к этому новому гостю. Такой строгий, ужас.

Строгий-то он строгий, но угощение Франка наворачивает за обе щеки, сопровождает каждый кусок одобрительным комментарием. Ну, значит не так все страшно, думает Триша, значит, с ним можно поладить. И историю какую-нибудь он наверное все-таки расскажет, а как иначе?

Меламори как будто мысли ее прочитала.

– Франк уже сообщил вам о стоимости ужина? – спрашивает она. – Или для вас даже он решил сделать исключение?

– Он бы, вероятно, так и поступил, если бы я счел цену слишком высокой, – важно говорит Кофа. – Однако я был приятно удивлен. Не так уж часто случается, что расплатой за удовольствие становится еще одно удовольствие. Я очень люблю рассказывать, нашлись бы охотники слушать.

О. Вот это хорошая новость. Триша плясать готова, но вместо этого она начинает проворно резать яблоки. Надо поспешить с пирогом, обидно было бы пропустить начало истории из-за этой возни. Франк наверняка догадывается о ее волнении и громко говорит гостю:

– Прибережем вашу историю к пирогу. Уверен, эти два шедевра будут достойны друг друга.

– Ваша уверенность в высоком качестве будущего пирога – серьезная рекомендация, – важно кивает Кофа. – По предварительным итогам дегустации ваших закусок я склоняюсь к тому, что вы один из трех лучших поваров, каких мне доводилось встречать на своем веку.

Франк удивленно приподнимает бровь.

– Я бы не прочь познакомиться с двумя другими.

– Оба, к сожалению, уже умерли.

– Ну это как раз не препятствие, – беспечно отмахивается Франк.

– Пожалуй, вы правы, – поразмыслив, соглашается Кофа. – По крайней мере, в некоторых случаях смерть действительно не препятствует новым знакомствам. Я лично убедился в этом, когда... Кстати, возможно, именно об этом имеет смысл рассказать, забавная вышла история, хотя сперва показалась мне подлинной катастрофой. Но я еще подумаю.

– А для разминки давайте-ка порцию городских сплетен, прямо сейчас, специально для меня, – говорит Макс.

– Хочешь свежих сплетен? Да пожалуйста. Тебе вчерашние или, скажем, годичной давности? Или еще более выдержанные?

– Мне, будете смеяться, об изменениях в кодексе Хрембера. Представьте себе, негодяй, ради которого я готов умирать трижды в день и даже, если понадобится, остаться без ужина, этот злодей, ваш новый Великий Магистр Ордена Семилистника, обладатель каменного сердца, именующий себя моим лучшим другом, прогостил здесь без малого три дня, но так и не выбрал времени рассказать мне о своих текущих делах. Говорит, дескать, странно было бы оказавшись в ином мире, тут же завести беседу о работе. Жалкие оправдания, правда? А теперь он ушел и оставил меня тут страдать от любопытства – при том что пытки на моей памяти были строжайше запрещены все тем же Кодексом Хрембера. Или Шурф эту статью уже отменил? А что ж, с него бы случилось.

– Насколько мне известно, не отменил. Конечно, сэр Шурф у нас всегда был с причудами, а уж теперь-то... – снисходительно ухмыляется Кофа. – Но, по большому счету, его можно понять. С его точки зрения речь действительно идет о повседневной рутине. Но тебе, не сомневаюсь, все это очень интересно.

– Мне, между прочим, тоже, – говорит Меламори. – Я последние годы, можно сказать, проспала. Новости узнавала исключительно из газет. А если учесть, что газет я почти не читала, поскольку когда я говорю «проспала», это вовсе не метафора, а факт...

– Да помню я, помню. Ты в Доме у Моста появлялась реже, чем я, хорошо если раз в три дня и вид при этом имела совершенно огорошенный, как будто не из собственного дома в центре столицы вышла, а из Шиншийского Халифата вчера приехала. Самое удивительное, что Кеттариец не урезал твое жалование; все-таки слухи о его трепетном отношении к Королевской казне весьма преувеличены... Кстати, удивительная закономерность. Как только человек начинает уделять чрезмерное внимание так называемой «истинной» магии, он тут же перестает читать газеты. Иногда я начинаю думать, что это ваше единственное серьезное достижение. А все эти хваленые путешествия между мирами и прочие сомнительные развлечения – лишь необязательный побочный эффект.

– Святая правда! – прочувствованно говорит Макс. – Все так и есть. Чего только не выдумают люди, лишь бы избавиться от нездорового пристрастия к чтению периодических изданий.

– Подлизываешься, – вздыхает Кофа. – Чтобы я не передумал рассказывать. Да не передумаю я, не переживай. Трубку вот только набью... А нашим хозяевам не слишком скучно слушать про чужие дела?

– Ну что вы. Нам с Тришей все интересно, – улыбается Франк. – Все понемножку.

– И ничего, если по большому счету? Мудрый подход... Собственно, самое интересное в истории о поправках к Кодексу Хрембера – ее начало. Я имею в виду, как Шурф стал Великим Магистром Ордена Семилестника. Это же твоя работа, Макс. Нуфлин перед смертью завещал тебе, так сказать, ключ от своей резиденции. В смысле, заклинание, открывающее врата и сердца всех Старших

Магистров заодно. А ты цинично надругался над последней волей покойного, подарил его посмертное послание Кеттарийцу – на мой вкус, это была чересчур злая шутка, даже для тебя.

– Ну уж – чересчур, – улыбается Макс. – По-моему, у Нуфлина не было иллюзий на мой счет. Он неплохо разбирался в людях и прекрасно понимал, что я все расскажу Джуффину. Но другого выхода у него, в сущности, не было. Он же планировал украсть у меня тело, заранее приготовил все к своему триумфальному возвращению, но поскольку я проявил недюжинное упрямство и все-таки доставил его в Харумбу, Нуфлину пришлось позаботиться, чтобы Орден Семилистника не остался без Великого Магистра навсегда.

– И это тоже правда. В общем, когда дошло до дела, началось настоящее веселье. Сперва Кеттариец убалтывал сэра Шурфа. На это, конечно, стоило поглядеть, а в особенности – послушать. Обоим было ясно, чем все закончится, но каждый отыгрывал свою партию в полную силу, Джуффин – так, словно опасается потерпеть поражение, Шурф – как будто у него есть надежда улизнуть. Как свидетель я им благодарен, знатно развлекли; как человек практического склада, до сих пор недоумеваю, зачем было так стараться. Спектакль затянулся, в конце концов, Джуффин призвал на помощь леди Сотофу, и тем же вечером у Ордена Семилистника наконец-то завелся новый Великий Магистр, в связи с чем над столицей всю ночь полыхала радуга в три дюжины цветов, горожане были в восторге, до утра никто не ложился, а художники с тех пор только эту грешную радугу и рисуют, даже те, кто прежде специализировался исключительно на портретах, совсем сбрендили. Старейшие члены Ордена, конечно, сперва были в шоке от такого нового начальства, но Сотофа их быстро утихомирила. Тем бы все и кончилось, если бы Его Величество Гуриг не соблаговолил подарить вечную жизнь Клекке Нумину, старейшему из своих придворных, старик еще его отца когда-то обучал не то арифметике, не то правилам поведения на горшке. Благодаря невысказанной щедрости Короля почтенный старец отправился в Харумбу, встретил там покойного Магистра Нуфлина и, конечно, пересказал ему свежие новости. Что тут началось! Уж не знаю, как Нуфлин уломал стражей Харумбы переправлять в Ехо его письма и доставлять ему ответы, но он это сделал. Возможно, им просто показалось, что это будет забавно – что ж, так оно и вышло. На моей памяти такое случилось впервые, да и люди постарше не припомнят, чтобы покойники из Харумбы докучали живым перепиской. А тут гневные послания обрушивались на головы всех причастных к назначению Шурфа, одно за другим. Дескать, как посмели передать руководство Орденом Безумному Рыбнику? Соединенное Королевство и весь Мир в опасности,

сделайте что-нибудь, пока не поздно, и все в таком духе. В конце каждого письма фигурировал список былых преступлений нового Великого Магистра – что самое смешное, далеко не полный. Шурф был очень недоволен столь легкомысленным обращением с фактами его биографии, говорил, если уж берешься ворошить прошлое, следует позаботиться о точности.

– Вообще-то странно, что его назначение так задело Нуфлина, – говорит Макс. – Он должен был бы понимать, что это – наименьшее из возможных зол. Я вот одно время почти всерьез планировал сделать Великим Магистром Ордена Семилистника своего приятеля, если он вдруг вернется из Ташера, куда я его с горем пополам сплавил. Это, казалось мне, отличный способ раз и навсегда решить вопрос с его содержанием и квартирой и таким образом снять с себя тяжкое бремя ответственности за благополучие господина Андэ Пу.

– Ты имеешь в виду этого толстого поэта, которого теперь полагают величайшим просветителем Ташера? Как же, помню его. И могу вообразить масштабы катастрофы. Впрочем, не сомневаюсь, что Сотофа сумела бы как-нибудь предотвратить эту беду. Насколько я понимаю, последнее слово, в любом случае, было за ней.

– Еще бы. А кстати, ей-то покойный Магистр Нуфлин присылал свои письма протеста?

– А как же. Он всем писал, кроме, разве только, самого виновника переполоха. Сотофе, Королю, Джуффину, Почтенному Начальнику Угуланда Маливонису и всем своим Старшим Магистрам. И тебе, между прочим, тоже, хотя старый Клекка, по идее, должен был бы ему рассказать, что тебя больше нет в Ехо. Но самое главное, Нуфлин не поленился сделать копии всех писем и отправить их в «Королевский Голос». Рогро, ясное дело, ни за что не упустил бы шанс опубликовать «письма с того света»; впрочем, насколько я знаю, ему никто особо и не препятствовал. Сэр Шурф был совершенно счастлив, надеялся, после публикаций начнутся волнения среди горожан, и ему придется уйти в отставку, возможно даже удалиться в изгнание – о, у него были грандиозные планы! Конечно, он просчитался. Как только выяснилось, что покойный Нуфлин Мони Мах решительно не одобряет кандидатуру нового Великого Магистра, Шурф стал всеобщим любимцем. Приемную Иафаха по сей день регулярно заваливают цветами, подарками и письмами влюбленных девушек, а в первые дни после публикации посланий Нуфлина там, говорят, творилось нечто невообразимое, новоиспеченные поклонники и поклонницы Шурфа с вечера дежурили у Явного

входа в надежде передать подарок лично. Он-то от них прятался – в смысле ходил по своим делам Темным Путем и горя не знал, а дежурные Младшие Магистры все на свете проклинали. Столичные модники вдруг переняли его манеру одеваться и говорить, и в кои-то веки бездумное увлечение пошло им на пользу – послушал бы ты, сколь изысканно изъясняются сейчас в трактирах, по крайней мере, в Старом Городе! Вместо брани сплошь цитаты из древних рукописей. Его пса немедленно пригласили выступать перед студентами с лекциями о современной литературе, а леди Хельна могла бы сколотить состояние, за деньги пуская всех желающих посмотреть на бывший дом нового Великого Магистра. К счастью, ее будущее и без того вполне обеспечено.

– Я всегда знал, что Дримарондо далеко пойдет, – смеется Макс.

– Ну, положим, быть начитанной говорящей собакой в просвещенном государстве – позиция, весьма выгодная сама по себе. А тут еще с бывшим хозяином повезло, причем во всех отношениях... В общем, ты уже понял, что возмущенные письма Нуфлина сослужили Шурфу прекрасную службу, хоть и не оправдали его тайных надежд. К тому моменту, как поток корреспонденции иссяк – по моим сведениям, леди Сотофа Ханемер, для которой, как известно, нет ничего невозможного, лично посетила старика в Харумбе и его успокоила, причем, ты сам понимаешь, это был жест милосердия, а не практической необходимости – так вот, к тому моменту новый Великий Магистр Ордена Семилестника был уже самым популярным человеком в Соединенном Королевстве. И остается таковым по сей день. Это, надо сказать, очень помогает ему в работе. Потому что одно дело внести в Кодекс Хрембера кучу поправок, я бы сказал, поблажек. И совсем другое – начать применять нововведения на практике. В такие моменты обычно сразу появляются обиженные, несправедливо обойденные и просто любители пошуметь, которым только повод дай. Но пока, хвала Магистрам, все идет как по маслу.

– А что идет-то? – Нетерпеливо спрашивает Макс. – Вот именно этого я и не смог добиться от Шурфа: чтобы он по-человечески мне объяснил, что там у вас творится. Какие теперь порядки?

– Коротко говоря, нынешние порядки все еще далеки от совершенства, но, следует признать, теперь они куда более разумны, чем прежде. Руки людям более-менее развязали, но вседозволенностью Эпохи Орден, хвала Магистрам, не пахнет. Отменять все запреты на использование Очевидной магии не стали, и правильно сделали. Риск был бы велик, а практической пользы немного.

Рядовым обывателям магия высоких ступеней недоступна, да и не нужна, поскольку для решения повседневных проблем двадцатой, скажем, ступени за глаза достаточно. Помнишь, ты присутствовал при историческом решении, когда ввели послабления для поваров? Ну вот, а теперь Белая и Черная магия, не превышающая двадцатую ступень, разрешена повсеместно и доступна всем. Детишки, сам понимаешь, совершенно счастливы, а их родители, особенно те, что помоложе, спешно обучаются азам, чтобы хоть как-то справляться с потомством.

- Ага, - кивает Макс. - Ну да, так уже веселее. Но это, как я понимаю, не все?

- Конечно, не все. Было бы неразумно запрещать гражданам колдовать в свое удовольствие, когда запрет перестал быть жизненно необходимым. Но при этом следует учитывать, что все люди разные. Одни достаточно разумны и ответственны, чтобы пользоваться Очевидной магией вообще без ограничений. Другим лучше бы даже о дозволенной младенцам двадцатой ступени не помышлять - все вокруг в щепки разнесут и сами покалечатся от чрезмерного усердия. Соответственно, речи быть не может о каком-то общем законе для всех. Поэтому теперь комиссии, состоящие из специально подготовленных экспертов, проводит собеседования с каждым совершеннолетним гражданином Соединенного Королевства, пожелавшим использовать Очевидную магию высоких ступеней, и по результатам выдает персональные разрешения.

- Ни фиги себе, - изумленно говорит Макс. - То есть каждый должен сдать что-то вроде экзамена? Могу себе представить, какие очереди выстроились! И, боюсь, большинство желающих умрут от старости прежде, чем...

- Ну ты даешь. Сколь ужасающие картины способно, оказывается, породить твое воображение! Конечно, все происходит не так быстро как хотелось бы, и люди последними словами клянут орденских бюрократов; меж тем о Великом Магистре я слова дурного до сих пор не слышал, все же удивительно, насколько выгодно, оказывается, быть человеком, которого публично порицал покойный Нуфлин... Но все-таки в первый день минувшей весны, когда обнародовали поправки к Кодексу Хрембера, было твердо обещано, что ожидание не продлится больше года. И мне кажется, это обещание будет выполнено. Год еще не закончился, а граждан без разрешений по пальцам пересчитать можно, по крайней мере, у нас, в столице. Ну и конечно никто не стоит в очередях, что за дикая фантазия. Всякий желающий просто сообщает об этом письмом, и ему тут же назначают дату и время собеседования.

– То есть за год разберутся со всем населением Соединенного Королевства? Поразительно. Как же Шурф справляется? То-то он о работе вспоминать не хотел.

– Ну не сам же он со всеми беседует. Шурф подошел к делу не как бюрократ, а как ученый – собственно, этого от него и ожидали. Он разработал довольно простой и, судя по отзывам, почти безошибочный метод, который позволяет в ходе беседы с незнакомцем быстро определить, с кем имеешь дело. А потом, в перерывах между переписыванием Кодекса, обучал будущих экзаменаторов. Почти всех членов Ордена припахал, даже Сотофиных девочек – неслыханное дело, прежде она ни за что не разрешила бы своим ученицам тратить время на такую ерунду, но к Шурфу питает необъяснимую слабость, даже, кажется, прощает ему тот факт, что бедняга сдуру родился мужчиной. Хотел бы я знать, чем он ее купил?.. Кстати, по моим наблюдениями, комиссии работают совсем неплохо. Не думал прежде, что в Семилистнике столько толковых ребят. Ну или сэр Шурф оказался на редкость хорошим педагогом. Так что теперь его вызывают только в особо трудных случаях, которых, конечно, тоже хватает, но это уже вполне посильный объем работы.

– Знаю я его педагогические приемы, – ехидно говорит Макс. – Небось приходил на занятия в Перчатках Смерти, а защитные рукавицы снимал на пороге аудитории. В такой нервной обстановке я бы сам чему хочешь научился – буквально в считанные секунды.

– Нет, это вряд ли, – серьезно говорит Кофа. – Я бы знал.

– А кстати, по какому принципу дают эти дурацкие разрешения? – спрашивает Меламори. – Я так толком ничего и не поняла. Отец вообще никуда не ходил, ему в первый же день прислали разрешение колдовать без каких бы то ни было ограничений. Он еще смеялся, дескать, это из-за родственных связей: брат в Семилистнике, дочка в Тайном Сыске – в кои-то веки и от меня польза вышла. Но маме никто ничего не присылал, а когда она изъявила желание предстать перед комиссией, ее приняли на следующий же день, но разрешение выдали всего до сороковой ступени, больше – ни-ни. А ведь у них с Корвой, скажем прямо, общие родственники! Злая она была как я не знаю кто. Дескать, кругом враги, аристократию притесняют, куда катится этот Мир, и все в таком духе. Наверное до сих пор не успокоилась.

– Ну, положим, ты сама должна понимать, что родственные связи помогли скорее твоей матери, чем отцу. Ее болезнь не была для тебя секретом, я правильно понимаю? Ну, хвала Магистрам, значит, я не совершу бестактность, если скажу, что для исцелившихся безумцев разрешение на использование магии до сороковой ступени – немыслимая поблажка. Обычно им вообще не на что рассчитывать, пока с момента выздоровления не пройдет хотя бы полсотни лет. Так что думаю, за нее-то как раз твой дядюшка Кима и похлопотал перед комиссией, втайне от нового начальника. Что-то еще будет, когда Шурф об этом узнает... А твой отец с самого начала был внесен в особый список талантливых колдунов, у которых не было неприятностей с законом с момента введения Кодекса Хрембера. Таких набралось немного. Я сам принимал участие в составлении списка, вернее, немного помогал Джуффину и Сотофе, которые этим занимались. Чтобы могущественный колдун, не вступая в Орден Семилистника, пережил Эпоху Кодекса без единой неприятности с законом – немыслимо! Однако все же нашлись герои. С одним из них ты, девочка, состоишь в близком родстве.

– Корва просто слишком высокомерен, чтобы нарушать закон, – смеется Меламори. – Рисковать не головой, а, в худшем случае, несколькими годами заключения в Холоми – это ниже его достоинства.

– Не сомневаюсь. Так или иначе, в списке фигурировало всего три с половиной дюжины имен, причем большинство – совсем молодые, жителей столицы – всего четверо, остальные провинциалы, это тоже очень показательный момент. Им решили предоставить полную свободу действий. Джуффин сказал, что готов пойти на известный риск, лишь бы не препятствовать развитию столь выдающихся талантов. Я советовал ему быть осторожнее – вотще, разумеется. Ну, время покажет, кто из нас был прав... Да, так вот, все эти законопослушные гении получили свои бумаги в первый же день, одновременно с членами Ордена Семилистника и сотрудниками Тайного Сыска. Еще несколько дюжин подобных разрешений было выдано по итогам собеседований с одаренными колдунами, чья репутация была слегка подмочена, без фатальных, так сказать, последствий. Кстати, Макс, помнишь ту девчонку, которая подбила приятелей помочиться на Иафах? Ну, дочка Агорры Тек из Канцелярии Забот о делах Мира, ты еще потом ее с приятелями самолично увозил в изгнание...

– Ага. После того, как вы арестовали их в Квартале Свиданий. Веселая была история. Конечно, я помню Айсу, – улыбается Макс. – Такая хорошая. Получила лицензию на неограниченную магию? Если так, я рад за нее.

– Получила, да. Вместе с разрешением вернуться в Соединенное Королевство до истечения десятилетнего срока изгнания. Впрочем, сколько там того срока оставалось... Теперь Кеттариец думает, не зазвать ли ее в Тайный Сыск, чтобы не болталась без присмотра. Хорошая девочка и способная, кто бы спорил, но очень уж молодая и глупая.

– Ну, положим, вдали от дома люди обычно быстро взрослеют. Но взять ее в Тайный Сыск – о да, это отличная идея.

– Может быть, и так. Не знаю. Это ваши с Кеттарийцем дела. Ну или теперь только его.

– Второе, – мягко говорит Макс. – А я просто любопытствую, на правах всеобщего дальнего родственника из провинции. Так значит, разрешение использовать Очевидную магию без ограничений получили самые талантливые и, скажем так, достаточно благоразумные. Логично. А гениальные злодеи? Что с ними?

– Сказать по правде, их в Соединенном Королевстве почти не осталось. Все же мы неплохо работали все эти годы. Несколько самых одиозных стариков, поспешивших вернуться из изгнания, остались вовсе без разрешений, равно как и законченные болваны, которые, разрешай им, или нет, все равно ничему путному не выучатся. Пусть себе колдуют на кухне, если сумеют, целее будут. Кстати вот забавный момент: был пущен слух, будто абсолютно все, кому не выдали разрешений, представляют собой потенциальную опасность для государства – ну просто прямые наследники Лойсо Пондохвы, смотреть страшно, и по имени после заката лучше не называть. Я сам немало поработал, распространяя по просьбе начальства сию нелепую информацию. Видишь ли, Джуффин с Шурфом решили, что надо дать этим беднягам возможность гордиться собой. Дескать, таким образом унижительный, в сущности, запрет превращается в почетную награду. Гуманное решение, кто бы спорил.

– Они совершенно правы, – вздыхает Макс. – Чем безнадежней болван, тем сильнее в нем потребность считать себя центром мироздания. Сам таким был когда-то. Хвала Магистрам, не очень долго. А все-таки.

– Болваном ты, конечно, был, – ухмыляется Кофа. – И не факт, что это уже в прошлом. Но безнадежным – никогда. Не твой случай.

– Просто вам не посчастливилось наблюдать меня в некоторые особо прекрасные моменты. Но ладно, не обо мне речь. Давайте дальше, что там еще смешного с этими разрешениями?

– Много чего. К примеру, наметилась прелюбопытная тенденция. Некоторые добропорядочные горожане, получившие разрешение на использование магии до шестидесятой ступени – это самый популярный вариант, золотая середина, почти все приличные, в меру способные и более-менее образованные люди такое получают – так вот, те из них, что помоложе, порой врут приятелям, будто им вовсе не дали никакого разрешения. И глядят при этом многозначительно, дескать, оцените, с кем связались, начинайте бояться. И ведь не проверишь: информация подпадает под закон о неприкосновенности личной тайны. Ну вот, знакомые такого «шестидесятника» косятся на него с уважением, сочувственно вздыхают, поминают недобрыми словами бюрократов из Семилистника, а потом в один прекрасный день он совершает ради дамы сердца несложный фокус тридцатой, скажем, ступени – и бедняжка навсегда покорена его храбростью и пренебрежением к закону. Думает, надо же, как рисковал человек! Очень удобно.

– Класс! – говорит Макс. – Просто слов нет. Какие изощренные умы. Я бы ни за что не додумался. Но это что ж, выходит, всю жизнь комедию ломать придется? А вдруг надоест?

– Когда надоест, можно сказать, что сходил на повторное собеседование, предварительно подкупив экзаменаторов. Благо всякий недовольный результатом имеет право обращаться в комиссию второй, третий, четвертый раз – словом, хоть до конца жизни, пока не надоест. Правда, не чаще, чем раз в три года, но это, сам понимаешь, не слишком долгий срок. Поэтому, если послушать разговоры в трактирах, можно подумать, будто полгорода сидит без разрешений, тогда как, согласно статистике, таких пока всего несколько сотен.

– Как же все-таки хорошо, что мне не нужно никакого разрешения! – вздыхает Макс. – Фиг бы мне его дали. Шурф всегда любил надо мной причитать: «Как ты до сих пор жив?» – и полагал единственной гарантией моей безопасности пожизненное заключение в Холоми, на худой конец – домашний арест. Так что пришлось бы уходить в партизаны, скажем, в Магахонский лес, благо светлой памяти Джифа Саванха оставил там после себя прекрасные, комфортабельные норы... Слушайте, а кстати, как же это все контролируется? Я имею в виду –

ну вот, люди получили разрешения, все начали колдовать, и в один прекрасный день некто применяет магию восьмидесятой ступени, при этом разрешение у него всего до сороковой. И что дальше? Как об этом узнают? У него что, лампочка во лбу загорится? Или на специальном пульте где-нибудь в подвалах Иафаха сирена взвывает?

– Считается, что примерно так все и есть. И тайная комната в Иафахе, и, как ты изволил выразиться, «лампочка во лбу», невидимая для всех, кроме посвященных, конечно, и прочие глупости в таком роде. Чтобы слухи выглядели убедительно, мы уже инсценировали несколько показательных арестов. Специально нанятые моими агентами нарушители покаянно били себя в грудь, взывали к судейскому милосердию, потом платили в казну положенные штрафы, получали официальное Уведомление о Прощении и, овеянные славой бунтарей, отправлялись по трактирам пропивать полученные накануне гонорары. Прекрасные были спектакли. И жители столицы остались довольны. Люди очень любят, когда за ними следят, хоть и утверждают обратное. Внимание властей, конечно, причиняет известные неудобства, зато и льстит чрезвычайно. Надеюсь, наши граждане никогда не узнают, что на самом деле за ними никто не следит. Наблюдение установлено только за теми, чьи действия могут быть по-настоящему опасны, а таких в наше время немного. А нормальному человеку придется хорошенько потрудиться, если он захочет – не то что превысить разрешенную ему лично ступень, а хотя бы реализовать все дозволенные возможности. На самом-то деле даже шестидесятая ступень Очевидной магии, особенно Белой – почти недостижимая вершина для подавляющего большинства. Особенно сейчас, когда магических Орденов больше нет, и люди вынуждены учиться всему чуть ли не с нуля. Знаешь, сколько платных курсов открылось в столице? Счет уже перевалил за сотню, и это только начало. Сэр Шурф, как я понимаю, раздает свои разрешения в расчете, что тайная надежда когда-нибудь нарушить закон окажется серьезным стимулом для самосовершенствования. Это свидетельствует, что он все еще очень молод и, как следствие, наивен. Впрочем, поживем – увидим.

– А кто преподает на этих курсах? Неужто герои Смутных Времен?

– Те еще «герои». В лучшем случае, Младшие Магистры распущенных Орденов, а как правило – бывшие Орденские метельщики. Впрочем, пусть пока будут. Надо же с чего-то начинать. Шурф носится с идеей открыть Высокую Школу Иафаха для тех, кто хочет изучать магию, не вступая в Орден. Сотофа, насколько мне известно, уже согласилась – при условии, что набором студентов

будут заниматься ее «девочки». Я не ахти какой оптимист, ты знаешь, но день открытия этой школы буду считать началом нового золотого века Соединенного Королевства. И не я один.

– Ох ты черт! – тихонько вздыхает Макс. И умолкает, мечтательно уставившись в потолок. – Да, хорошо будет. Просто слов нет. Поглядеть бы, каким станет Ехо пару сотен лет спустя!

– Ну так и поглядишь, если сильно захочешь. О, кстати. Совсем недавно было одно замечательное происшествие, тебе должно понравиться. Некий Галла Кокк, молодой человек не без способностей и при этом крайне неуравновешенный, тот самый вариант, когда безумием еще не пахнет, но принимать меры предосторожности уже давно пора, и хорошо, если еще не поздно – да так вот, этот способный юноша явился за своим разрешением, и членам комиссии сразу стало ясно, что случай непростой. То ли до сотой ступени давать ему разрешение, то ли, напротив, не выше сороковой. Словом, надо звать начальство. Явился сэр Шурф, который с подобными проблемами знаком, хвала Магистрам, не понаслышке, и решил: никаких разрешений юному гению не давать, пока не приведет в порядок собственную голову, а там – поглядим, что с ним делать. Тут же договорился с Абилатом, что пришлет к нему «интересного пациента» – так он выразился. По идее, юноша должен был плясать от радости – как же, к самому Королевскому знахарю на прием попал, без денег и даже мало-мальски полезных знакомств. Он, собственно, и плясал, но совсем по другому поводу: решил, будто является самым могущественным колдуном в Соединенном Королевстве, вон как Великого Магистра Ордена Семилистника перекосило при встрече! К Абилату он, ясное дело, не пошел, вместо этого заперся в дедовском особняке на окраине Левобережья, где всего за несколько дней успешно преодолел грань между неуравновешенностью и подлинным безумием. После чего переменял внешность, вышел на площадь Побед Гурига Седьмого, на закате, когда там особеннолюдно, и объявил во всеуслышание: я – сэр Макс, я вернулся, потому что хочу быть вашим новым Королем. А если вы не согласны – что ж, придется устроить конец света, и почему бы не начать прямо сейчас? Конечно, самозванца немедленно разоблачили и утихомирили, благо это было не слишком трудно. Забавно вот что: Шурф отдал приказ обращаться с буяном крайне бережно, не зашибить ненароком и даже бранных слов не говорить – все-таки сэр Макс, хоть и фальшивый. Все участники операции были чрезвычайно тронуты. А ты?

– Я, пожалуй, тоже. А что с ним теперь?

– Ну а как ты думаешь? Размещен со всеми удобствами в Холоми, лучшие знахари столицы к его услугам. Говорят, есть надежда со временем привести парня в более-менее адекватное состояние. Хотя, конечно, твои Смертные Шары в этом смысле были гораздо надежнее. Но тут уж ничего не попишешь, тебя с нами больше нет.

– Ну хоть в каком-то виде я там у вас присутствую, – улыбается Макс. – И то хлеб.

– Не обольщайся. Первым делом бедняге вернули его первоначальный вид. А то стражи Холоми очень нервничали. Да и знахари чувствовали себя рядом с ним неуютно.

– Хорошо, что я эту историю уже не застала, – вздыхает Меламори. – Мне бы тоже было неуютно.

– Да, все случилось то ли накануне твоего исчезновения, то ли на следующий день. Джуффин, кстати, сразу сказал, это хороший знак. Дескать, теперь, пожалуй, и настоящий сэр Макс найдется. И оказался прав. Хотя домой ты, как я понимаю, не спешишь?

– Меня и здесь неплохо кормят, – ухмыляется Макс.

– Кстати, да. Судя по запаху, который вот уже четверть часа щекочет мои ноздри, эта кухня – одно из наилучших мест во вселенной. Ничего удивительного, ты всегда умел устроиться.

– Запах – это пирог, – неожиданно для себя поясняет Триша. Ей, чего греха таить, ужасно приятно, что строгому гостю нравится аромат ее стряпни. – Сейчас, – торопливо добавляет она. – Уже готов!

Франк поднимается из-за стола, чтобы помочь ей достать пирог. Заодно наполняет водой самую большую джезву. Поразмыслив, снимает с полки маленькую кастрюлю, в которой всегда варит горячий шоколад. Вот это сюрприз! Франк очень редко уступает Тришиным просьбам смешать кофе с шоколадом, а зря, потому что очень-очень вкусно выходит. И сейчас все в этом убедятся.

Несколько минут спустя, закончив все приготовления, Франк ставит на стол свои песочные часы. Сэр Кофа косится на них с любопытством, но вопросов не задает, причем Триша готова поспорить, он вовсе не стесняется расспрашивать, когда чего-то не знает, просто сейчас не хочет оттягивать момент, когда пирог будет разрезан и разложен по тарелкам. Его можно понять, аромат горячих серых яблок – это нечто невообразимое, его нельзя описать словами, зато и забыть невозможно, если хоть однажды попробовал.

Гость берет тонкий ломтик пирога, кладет в рот и замирает, прислушиваясь к ощущениям.

– Кофа, – взволнованно говорит Макс, – если вы немедленно не скажете, что вам вкусно, у меня разорвется сердце.

– Не преувеличивай. Ничего у тебя не разорвется, – сурово отвечает гость. – Впрочем, пирог действительно великолепен, – добавляет он, отвешивая поклон Трише. – Надеюсь, плата за угощение вас не разочарует.

Триша, окончательно смутившись, кивает, потом мотает головой – дескать, не разочарует, я заранее знаю! Вслух, однако, не говорит ничего – все человеческие слова перезабыла, надо же, какая досада.

– Кофе, – говорит Макс. – Еще вы должны попробовать кофе. Это невероятно круто. Сегодня Франк добавил в него шоколад, кардамон, розовые бутоны и еще что-то загадочное.

– Всего лишь мускатный орех, – пожимает плечами Франк. – Тоже мне великая загадка. Но в сумме должно быть неплохо.

– Весьма своеобразный напиток, к такому сперва надо привыкнуть, а уже потом оценивать нюансы вкуса, но мне, пожалуй, скорее нравится, – объявляет гость. И помолчав, добавляет: – Особенно если с пирогом.

Расчувствовавшись, Триша отрезает ему еще один, самый большой кусок. Убедившись, что его ближайшее будущее обеспечено, гость наконец приступает к рассказу.

Горе господина Гро

История, рассказанная сэром Кофой Йохом

Разумный человек никогда не станет утверждать, будто точно знает, с чего началась та или иная история. Даже не будучи в состоянии отследить все причинно-следственные связи между событиями, происшествиями и разговорами далекого прошлого и делами наших дней, он, по крайней мере, способен допустить, что они существуют – пусть даже за пределами его компетенции. Я достаточно разумный человек, поэтому, когда я говорю: «эта история началась с того, что...» – подразумевается, что с этого она началась лично для меня.

Так вот, для меня эта история началась с того, что однажды ночью ко мне явился призрак покойного отца.

Должен сразу сказать, что такого рода события происходят у нас в Ехо нечасто. То есть о существовании призраков осведомлены все, но мало кто их видел. Для того чтобы человек после смерти стал призраком, требуется стечение целого ряда довольно необычных обстоятельств; в исключительных случаях бывает достаточно воли покойного, но могущественные колдуны редко изъявляют желание обрести столь неполноценное и некомфортное продолжение жизни, а прочим такой фокус просто не под силу. Мой отец, Хумха Йох, оказался идеальным кандидатом в привидения. Могущества и знаний ему было не занимать; безумия, которое окружающие из уважения к его былым заслугам деликатно называли эксцентричностью – тем паче.

Мне вообще с ним исключительно повезло – если, конечно, принять за аксиому точку зрения, что вынужденная необходимость с ранних лет противостоять родительскому деспотизму чрезвычайно полезна для формирования характера. Характера, сформировавшегося у меня благодаря Хумхе, хватило бы на несколько дюжин юношей – если бы его излишки можно было бы раздавать нуждающимся, как остатки ужина.

Чтобы вам стало более-менее понятно, насколько непросто было иметь дело с призраком моего отца, придется вкратце рассказать, что он представлял собой

при жизни. Начать следует с того, что Хумха носил звание одного из Семи Великих Основателей Ордена Семилестника. Я специально подчеркиваю, что речь идет именно о звании; факты, мало кому, впрочем, известные, выглядят несколько иначе.

Когда Нуфлин Мони Мах решил основать новый магический орден, ему едва перевалило за полторы сотни – даже по нынешним меркам очень немного, а в ту эпоху он считался катастрофически, непозволительно, я бы сказал, бесстыдно молодым. Амбиции его уже тогда были непомерны; впрочем, основания на то имелись немалые. Нуфлина считали лучшим в поколении, причем, насколько я могу судить, это была явно заниженная оценка. По-хорошему сравнивать его следовало не с ровесниками, а с могущественными стариками.

К юношам всегда относятся снисходительно; в большинстве случаев это совершенно справедливо, но порой случаются исключения. Молодой Нуфлин Мони Мах, как показали дальнейшие события, заслуживал чрезвычайно серьезного к себе отношения, но большинству его современников это было неведомо. Казалось бы, какое ему до них дело, да? Но это означало, что ему не светит заполучить в свой орден по-настоящему могущественных колдунов.

Собственно, большой бедой такое положение дел не назовешь. В подобной ситуации оказывались все будущие Великие Магистры в самом начале пути. Становление магического ордена – дело столетий, а не дней; вполне естественно, что первыми адепты набираются обычно из людей молодых и неопытных, а во что они превратятся много лет спустя, и каковы будут их ученики, зависит от Великого Магистра. Но Нуфлин не желал ждать так долго. Он хотел с первого же дня иметь при себе лучших из лучших – и хоть ты тресни.

Положим, при личной встрече ему всегда удавалось показать себя с превосходной стороны, но даже находясь под сильным впечатлением от знакомства, опытные колдуны не изъявляли желания вступить в новый орден и, таким образом, официально признать превосходство Нуфлина. Хотя сотрудничество с ним многим представлялось перспективным, а некоторым даже соблазнительным. Если верить очевидцам, в ту пору он был воплощением магической силы и, что куда более важно, – живым обещанием. Для всякого мало-мальски восприимчивого колдуна присутствие Нуфлина было чем-то вроде порции бодрящего зелья, а это, как известно, первый признак хорошего Великого Магистра, самое необходимое для такой роли качество. Говорят, некоторые старики весьма настойчиво предлагали Мони Маху основать тайный

Орден, в духе древних времен – без резиденции, отличительных знаков и строгой иерархии. На таких условиях они могли бы и совместной ворожкой насладиться, и лицо сохранить. Но молодой Нуфлин, как я уже говорил, был чрезвычайно амбициозен и действовать под покровом тайны наотрез отказывался. Он с самого начала хотел власти и почестей, еще неизвестно, чего больше.

В конце концов, Нуфлин Мони Мах придумал прекрасный выход из положения, простой и изящный. Он выбрал нескольких могущественных колдунов из тех, что прониклись к нему наиболее глубокой симпатией, и предложил им стать номинальными основателями Ордена Семилистника. Сам же он намеревался поначалу носить официальное звание их общего первого ученика – при условии, что вскоре, скажем, сотню лет спустя, господа основатели уйдут в почетную отставку, сохранив за собой все мыслимые и немыслимые привилегии, и настоящий Великий Магистр официально займет свое место.

Это была очень хорошая идея. Она сулила будущим основателям максимум почестей без всяких хлопот; ну и для молодого Нуфлина официальное звание любимого ученика семерых Великих Магистров было весьма лестным – прежде еще никому из молодых колдунов не удавалось найти себе столько учителей сразу, даже легендарного Короля Мёнина в юности обучали всего трое стариков, причем считалось, что ему несказанно повезло. То есть, в глазах общественного мнения молодой Нуфлин Мони Мах поднялся куда выше, чем если бы просто основал новый Орден.

Таким образом, дело уладилось ко всеобщему удовольствию. Мой отец стал одним из Семи Великих Основателей Ордена Семилистника и до сих пор фигурирует в этом качестве во всех учебниках истории. Чем он там на самом деле занимался, я понятия не имею.

Я не раз слышал, что долгое сотрудничество с Нуфлином Мони Махом не пошло на пользу никому из его официальных «учителей». Тут, конечно, надо учитывать, что в последние столетия сложилась традиция плохо отзываться о Нуфлине и предполагать на его счет все самое наихудшее, на что только способно воображение; по сей день всякий порядочный человек полагает своим нравственным долгом хотя бы дважды в год неодобрительно высказаться о покойном Великом Магистре Ордена Семилистника и ждет того же от своих родных и друзей. С другой стороны, откровенной клеветы в болтовне наших горожан много меньше, чем может показаться. В частности, не секрет,

что в последние годы своего владычества Нуфлин Мони Мах тайком подпитывался жизненной силой своих Магистров, тогда как священная обязанность главы магического Ордена – делиться с подчиненными собственным могуществом. Затем, собственно, и создавалась жесткая иерархия в Орденах, а вовсе не для того, чтобы тешить самолюбие старших. Другое дело, что утверждение, будто Нуфлин всегда действовал подобным образом, представляется мне весьма сомнительным. На таких условиях никто не согласился бы иметь с ним дело в ту пору, когда магических орденов в столице было больше, чем сапожных мастерских, а для поступления практически в любой из них не требовалось ничего, кроме доброй воли и минимальной восприимчивости к магии. Впрочем, вот прямо сейчас я вдруг сообразил, что на правах официального ученика Семи Великих Основателей Нуфлин, пожалуй, действительно мог заграбастать изрядную часть их могущества, не преступая рамки дозволенного, а, напротив, подчиняясь традиции. Это многое объясняет, о да.

Но не буду отвлекаться. О прошлом отца я знаю немногим больше, чем рядовой студент Университета: лет сто он был одним из семи Основателей и Великих Магистров Ордена Семилистника, потом, согласно первоначальной договоренности, ушел в почетную отставку, после чего какое-то время продолжал жить в Орденской резиденции, где пользовался бесчисленными благами и привилегиями, соответствующими его особому положению. Но в один прекрасный день Хумха объявил, что ему все надоело, занятия магией бессмысленны и опасны для здоровья, мудрому человеку приличествует брать пример с обычных горожан и вести простую жизнь, после чего покинул Орден, дабы вести эту самую «простую жизнь» – как он ее себе представлял.

Для начала надо было обзавестись домом. То есть у него уже был старинный особняк на Левобережье, доставшийся по наследству, от родителей, но отец полагал, что нормальный, простой человек не должен прятаться от мира за высокими стенами фамильной резиденции. Поэтому Хумха избавился от особняка и приобрел дом в Старом Городе, неподалеку от Пустой площади, которая сейчас называется в честь побед покойного Короля; впрочем, пожив там несколько дней, он решил не мелочиться и выкупил весь квартал – чтобы ему не мешали соседи. Вскоре он понял, что прохожие ему тоже мешают и, недолго думая, защитил свои владения заклинаниями столь великой мощи, что птицы падали замертво, пролетая над его домом, а жители ближайших улиц перебрались жить кто к родне, кто в гостиницу, чтобы избавиться от головной

боли, страшных снов и прочих досадных неприятностей. Справедливости ради следует заметить, что, когда к отцу наконец явилась делегация окрестных жителей и Королевских чиновников с жалобами на неудобства, он очень удивился, что его скромные заклинания возымели столь мощный эффект. Сперва не хотел им верить, кричал: «Я – простой горожанин, мне не по силам чудеса, о которых вы рассказываете!» Но в конце концов, конечно, усомнился и снял заклятие. Однако горожане этот проклятый квартал еще лет триста стороной обходили, на всякий случай. Мало ли что.

Уладив, таким образом, вопрос с недвижимостью, отец приступил к следующему пункту своего плана: принялся искать жену. Завести семью – это, казалось ему, очень важно. Нормальная, обычная женщина, без задатков ведьмы, смиренные, послушные дети, желательно, чтобы звезд с неба не хватало, а достигали жизненного успеха старанием и трудолюбием – такую идиллическую картинку он себе нарисовал. Хумха к тому времени совсем свихнулся, если вы еще не поняли. Ну, сам-то он, конечно, полагал, что наконец-то узрел истину и исцелился от былых заблуждений. Все безумцы в этом уверены или почти все.

Так вот, с женитьбой отец, скажем прямо, сел в лужу. Моя мама была в ту пору совсем юной и, как положено девицам в этом возрасте, чрезвычайно легкомысленной особой. Замужество казалось ей интересной игрой, которую всегда можно будет бросить, если надоест. В конце концов, она так и поступила, незадолго до моего двадцатого дня рождения сбежала от Хумхи с молодым гвардейским генералом; говорят, отец заметил ее отсутствие не то на третий, не то на четвертый день и даже обрадовался, решив, что теперь он с полным правом может считать себя простым человеком: от могущественных колдунов небось жены с военными не убегают. Хвала Магистрам, мамина жизнь устроилась как нельзя лучше; когда я повзрослел, мы с ее новым супругом стали большими друзьями, прекрасный был человек и погиб как герой в самом начале Смутных Времен. Впрочем, не о нем речь. И вообще забегать вперед не годится.

Женившись, отец с рвением взялся за домашнее хозяйство. Это, казалось ему, единственная область, ради которой простому человеку следует изучать магию. А потом, соответственно, применять. Мать рассказывала мне – уже потом, когда я вырос и стал гостить в ее новом доме, – что жизнь рядом с Хумхой была полна сюрпризов. Приготовленные им изысканные блюда имели обыкновение затевать бурную ссору прямо на обеденном столе, выясняя, кто достоин быть съеденным в первую очередь, а иногда, напротив, с громкими воплями удирали от едоков, умоляя о пощаде; предметы туалета слонялись по дому, канюча: «Меня уже

полгода никто не надевал!» – причем некоторые чувствительные скабы из тарунского расписного шелка время от времени убегали к реке топиться; кровать могла среди ночи разбудить спящего, объявив, что ей хочется побыть в одиночестве, а двери открывались только после долгих уговоров, причем попадались такие строптивые, что в охраняемые ими комнаты годами никто не заходил. Отец при этом искренне полагал, что именно так и должны протекать будни простого горожанина: бесконечные хлопоты по дому и никаких особых чудес. Он был чрезвычайно доволен собой.

Потом родился я. Первую дюжину лет все было более-менее в порядке – просто потому, что Хумха не слишком мной интересовался. Он довольно смутно представлял, как следует обращаться с младенцами, и спохватился только после того, как я начал делать подозрительные, с его точки зрения, успехи в учебе. Приглашенные в дом учителя пели дифирамбы моим способностям, а отец зубами скрипел от досады. Превратить меня в тупицу он, хвала Магистрам, так и не решился, ну или поленился, кто его разберет, но был крайне удручен. Я, наверное, единственный ребенок в Мире, чьи самые первые достижения всерьез огорчали отца. С другой стороны, только поэтому я занимался столь усердно – сама по себе учеба не казалась мне таким уж увлекательным делом, но более эффективного способа досадить Хумхе я в ту пору выдумать не мог.

Дело кончилось тем, что к отцу явилась целая делегация из Ордена Семилистника. Заслуженные магистры принялись упрашивать Хумху отдать меня в послушники. Он сперва твердо заявил, что не потерпит в доме сына-колдуна, но поскольку мама к тому времени уже благополучно удрала со своим генералом, а от меня было слишком много шума, Хумха позволил себя уговорить. Он поставил только одно условие: как можно дольше продержат меня в послушниках и никогда, ни при каких обстоятельствах не делать Старшим Магистром. Не удовлетворившись честным словом былых соратников, заставил их оформить обещание письменно, еще и к Нуфлину за подписью отправил. Это, насколько мне известно, совершенно уникальный документ. Больше никому за всю историю Соединенного Королевства не понадобилось заключать столь дурацкий договор с каким бы то ни было магическим орденом. Вопреки распространенному мнению, люди далеко не всегда искренне желают добра своим детям, но обычно считают необходимым соблюдать хоть какие-то видимые приличия, а потому ломают потомству жизнь исподволь, тайком и документальных свидетельств стараются не оставлять.

Забегая вперед, скажу, что Хумха, сам того не ведая, оказал мне неоценимую услугу. Если бы не его дурацкое требование, лишившее меня всякой надежды на мало-мальски пристойную карьеру, я бы, пожалуй, не покинул Орден Семилистника в возрасте ста с небольшим лет, когда обучение было успешно завершено, и всем, включая мое начальство, было совершенно непонятно, что делать дальше. Обычно к отступникам относятся неприязненно, но мое положение вызывало искреннее сочувствие, так что меня отпустили с миром, твердо пообещав, что в случае нужды я получу любую помощь и поддержку, как если бы остался в Семилистнике. В обмен с меня взяли клятву не вступать больше ни в какие ордена – обычное в таких случаях условие. Впрочем, можно было обойтись и без клятвы: меньше всего на свете мне хотелось поступать в какой-то дурацкий орден и начинать все заново. Я твердо знал, чего желаю от жизни: бездельничать и путешествовать по Миру, причем и то, и другое – с максимальным комфортом. Поразительно разумная позиция для столь молодого человека. До сих пор сам себе удивляюсь.

Избранный мною образ жизни требовал солидного финансового обеспечения. Хумха был богат, оставалось найти путь к его кошельку, который, увы, можно было проложить только через отцовское сердце. О том, чтобы ограбить родителя, не могло быть и речи: совесть моя ничуть не протестовала, но в области изготовления охранных амулетов Хумхе в ту пору все еще не было равных, а самоубийственные проекты никогда меня не привлекали.

Поэтому я разработал простой и прекрасный план: памятуя, как огорчали когда-то отца мои выдающиеся успехи в учебе, попросил бывших начальников по секрету сообщить ему, будто мне пришлось покинуть Орден по причине недостатка способностей. Дескать, мальчик хороший, старательный, но бездарь редкостная – даже не верится, что в детстве казался таким талантливый. Как жаль.

Люди охотно верят хорошим новостям, вот и отец поверил им на слово. Он принял меня с распростертыми объятиями, на радостях сперва даже предлагал поселиться в его доме. Но я благоразумно выбрал жилище на противоположном конце выкупленного квартала; Хумха, которому понадобилось всего несколько минут, чтобы оправиться от острого приступа отцовской любви, встретил мое решение с нескрываемым облегчением. А когда я объявил, что желаю немедленно поехать в Уандук с целью осмотра тамошних достопримечательностей, он чуть в пляс не пустился. Это же несколько дюжин дней пути только в один конец, даже на очень быстроходном судне. Долгая

разлука со мной представлялась отцу прекрасной перспективой. Мне, впрочем, тоже.

Характер у нас обоих был не сахар, но какое-то время мы худо-бедно уживались. Я много путешествовал и, даже возвращаясь в Ехо, подолгу гостил у приятелей, так что беспокойства от меня было куда меньше, чем от среднестатистического юного балбеса. Разве что за деньгами исправно приходил, но Хумху это, хвала Магистрам, не смущало. Он загодя навел справки и выяснил, что у простых зажиточных горожан очень часто вырастают никчемные сыновья-бездельники, которых хочешь или нет, а приходится содержать. И был доволен своими успехами – наконец-то в его жизни все как у людей!

...История, которую я собираюсь вам рассказать, произошла много позже, поэтому не стану сейчас в подробностях вспоминать свою юность, хотя интересных и поучительных событий случилось в ту пору немало. Но все же буду краток. Основная проблема – в контексте наших своеобразных отношений с отцом, разумеется – состояла в том, что я уже в ту пору был очень неплохим колдуном. А если сделать скидку на возраст, неопытность и отсутствие незаурядных учителей, так и вовсе отличным. До отца мне, конечно, было еще далеко, зато, в отличие от Хумхи, я вовсе не намеревался зарывать свои таланты в землю.

Кроме того, я с детства испытывал искренний интерес к людям, обожал совать нос в чужие дела и по мере возможности их улаживать, причем исключительно ради собственного удовольствия – надо же как-то развлекаться. Еще в бытность свою послушником Ордена Семилистника я не раз утрясал ссоры, распутывал интриги и помогал отделяться от неприятностей – не только своим ровесникам, но и взрослым Магистрам. Это меня забавляло, помогало упражнять ум и одновременно давало мне некоторую власть над окружающими. Принимая в расчет мой юный возраст и более чем скромный статус, можно представить, насколько важным казалось мне последнее обстоятельство. Авторитет мой особенно вырос после истории с одним Старшим Магистром, которого долгое время считали пострадавшим от таинственного проклятия и тщетно пытались исцелить, или хотя бы установить личность околдовавшего его недруга, пока я не выяснил, что загадочные припадки бедняги объясняются всего лишь чрезмерным пристрастием к неизвестным в Соединенном Королевстве уандукским любовным пилюлям. Удивительно, но никому, кроме меня, в голову не пришло элементарно соотнести регулярные обострения его плачевного

состояния с прибытием торговых кораблей из Куманского Халифата, проследить за передвижениями несчастного за стенами Иафаха, расспросить знающих людей в порту и, наконец, подкупив уборщика, как следует порыться в покоях больного. Так, собственно, всегда и случалось: ничего из ряда вон выходящего я не предпринимал, но почему-то постоянно оказывался единственным человеком, способным задавать простые вопросы, находить удовлетворительные ответы, делать логичные выводы и совершать разумные поступки. Постепенно я стал своего рода знаменитостью – в узком кругу собратьев по Ордену, конечно, но все-таки.

Впрочем, в Ордене Семилистника в ту пору царили не слишком строгие порядки, так что уста моих старших коллег не были связаны клятвой молчания за порогом резиденции. Поэтому они при случае охотно рассказывали обо мне родственникам, друзьям, возлюбленным и просто случайным собутыльникам. Так, собственно, и создаются репутации; ничего удивительного, что возвращаясь в Ехо из очередной поездки, я всякий раз обнаруживал гору писем и приглашений не только от приятелей, но и от совершенно посторонних людей; большинство оказывались завуалированными просьбами о помощи, прочие были продиктованы желанием заранее свести полезное знакомство – мало ли, вдруг пригодится. Это было, чего греха таить, приятно. Когда тебе чуть больше сотни лет, внимание и уважение окружающих льстят самолюбию, и ничего тут не поделаешь.

Ну и сами по себе чужие проблемы нередко оказывались чрезвычайно интересными. Я любил решать сложные логические задачи, действовать, полагаясь исключительно на чутье, мне тоже очень нравилось, а проделывать то и другое одновременно – вообще ни с чем не сравнимое удовольствие. Уж всяко не хуже приключений, ради которых я путешествовал, так что перерывы между моими поездками становились все продолжительней. Я и сам не заметил, как начал задерживаться в столице на полгода, а то и больше. Я разыскивал пропавших людей, зверей, драгоценности и амулеты, помогал избавиться от наложенных втайне проклятий, прекращал опасные сплетни и способствовал распространению полезных слухов, обнаруживал подлинных инициаторов неприятных происшествий и помогал оправдаться невиновным. Все это было очень кстати, поскольку городская полиция в ту пору годилась только разнимать пьяные драки – да и то при условии, что их затеяли портовые нищие, а не Младшие Магистры провинциальной резиденции какого-нибудь задрипанного ордена, – так что горожане выкручивались как могли, а могли они только махнуть рукой, ну или позвать человека вроде меня. Проблема состояла в том, что я был один и, к тому же, то и дело куда-нибудь уезжал. Впрочем,

эти обстоятельства только повышали мою ценность в глазах окружающих.

Поскольку я не имел обыкновения брать плату за свои услуги, заинтересованные лица навсегда оставались моими должниками; несмотря на молодость, я понимал, что это куда более весомый вклад в собственное будущее, чем именной сейф в Управлении Больших Денег, и был совершенно прав. Некоторые тогдашние истории продолжают окупаться до сих пор, а ведь четыре с лишним столетия прошло, даже не верится.

К слову сказать, именно тогда я понял, что мне нравится приводить Мир в порядок. Я никогда не был добросердечным человеком; искренне интересуясь людьми, я не испытывал к ним ни любви, ни даже сочувствия, тем не менее, мне нравилось улаживать их дела и восстанавливать справедливость. Точно так же я отношусь к собственному жилищу: не могу сказать, будто я к нему так уж привязан, порой по дюжине дней кряду не появляюсь дома, однако мне совершенно необходимо знать, что там все в порядке, вещи стоят на своих местах, кухня сверкает чистотой, а слуги сыты, довольны и не переутомлены работой. Это, разумеется, является не главной целью моей жизни, но совершенно необходимым условием ее правильного течения.

В присутствии отца я продолжал притворяться бессмысленным болваном. По правде сказать, не слишком старательно. И расставался с этой ролью, как только выходил из дома, полагая, что о происходящем за пределами своего квартала Хумха никогда не узнает, благо никаких газет в ту пору не было, а завести дружбу с соседями, которые боялись его как огня, отцу так и не удалось. Самое поразительное, что в этом отношении я оказался абсолютно прав: о моих успехах Хумха узнал много позже; говорят, именно это открытие его и доконало, но я, честно говоря, сомневаюсь. Избранный им образ жизни кого угодно мог загнать в могилу, отец еще на удивление долго продержался.

Вот если бы Хумха умер в ту пору, когда я жил рядом с ним, я бы счел обвинения в свой адрес более-менее справедливыми. Отношения наши день ото дня становились все хуже. Обычная история: отец полагал, что я недостаточно хорош для высокого звания его наследника, мне же казалось, что быть единственным сыном Магистра Хумхи Йоха – серьезное несчастье, что-то вроде неизлечимой болезни, и я был недоволен ничтожными размерами регулярных компенсаций. Мы умудрялись досаждать друг другу, почти не встречаясь, благо для ссор вполне достаточно Безмолвной речи, было бы желание.

В конце концов, Хумха решил, что никчемный бездельник вроде меня должен обладать более покладистым характером. Дескать, если от тебя нет никакой пользы, пусть хотя бы удовольствие будет. Теоретически это правильный подход. Проблема в том, что никчемным бездельником я отродясь не был, но кто ж виноват, что старик отец принял мое притворство за чистую монету. И решил немного мне помочь – превратить в симпатичного, обаятельного, приятного во всех отношениях господина. Конечно, простому горожанину, каким стремился стать Хумха, колдовать не к лицу, но чего не сделаешь ради блага своего ребенка. Родительская любовь – страшная сила, я всегда это говорю.

В один прекрасный день отец позвал меня на обед. Сколь бы напряженными не были наши отношения, я всегда с удовольствием принимал его приглашения к столу, потому что в кулинарном искусстве Хумхе не было равных. С детства приученный к наилучшему, я никак не мог привыкнуть к другой кухне. Это сейчас я способен наслаждаться разнообразием и прощать несовершенства, а в молодости полагал всех прочих поваров чуть ли не отравителями и использовал всякую возможность поесть отцовской стряпни – единственное мое пристрастие, которое Хумха всецело одобрял и поощрял.

Среди поданных к столу блюд было несколько незнакомых. Меня это не насторожило, отец любил экспериментировать и вечно придумывал что-нибудь новенькое. Даже когда густой суп с какими-то неведомыми травами оказал на меня воздействие, схожее с опьянением, я не почуял подвоха, а порадовался дополнительному удовольствию. Съел полную тарелку, откинулся на спинку кресла, наслаждаясь непривычным для меня благодушным настроением. Только когда Хумха принялся внимательно меня разглядывать, а потом одобрительно произнес: «Ну вот, совсем другое дело», – я смутно заподозрил неладное. Но поскольку чувствовал себя как нельзя лучше, суесться не стал, спокойно завершил трапезу, поддерживая скучный разговор о хозяйственных делах и ценах на Сумеречном рынке, вежливо поблагодарил отца, принял от него тяжелый кошель, порадовался внезапному приступу щедрости – он редко отказывал мне в деньгах, но никогда прежде не давал их по собственной инициативе – попрощался и отправился к себе, удивляясь, как плохо сидит на мне одежда. То ли слишком тесная, то ли слишком длинная, так сразу не разберешь, а ведь полчаса потратил на одевание и вроде был вполне доволен результатом. Хорошо еще, думал я, что Хумха, вопреки обыкновению, не взялся критиковать мой гардероб – сегодня мне, пожалуй, пришлось бы с ним согласиться.

Только дома, поглядев в зеркало, я обнаружил, что стал заметно ниже ростом, шире в кости и плотнее. Лицо тоже изменилось почти до неузнаваемости; присутствующие здесь мои юные коллеги могут засвидетельствовать, насколько мой обычный, с их точки зрения, облик отличается от настоящего – того, что вы видите сейчас. Удивительное дело, я совсем не рассердился и почти не встревожился. Благодушие мое было несокрушимо. Я набил трубку, сел в кресло и принялся спокойно обдумывать случившееся.

Что все эти неожиданные перемены – дело рук Хумхи, я не сомневался с самого начала. И суп с травами тут же вспомнил – то-то я после него как пьяный был, нормальная реакция крепкого организма на колдовское зелье. После недолгих размышлений, я пришел к выводу, что несвойственное мне прежде спокойствие и философский, так сказать, взгляд на вещи – тоже следствия отцовской ворожбы. Впрочем, соображать это непривычное состояние не мешало, скорее наоборот – что ж, и на том спасибо.

Хумха и прежде не раз предпринимал попытки исправить меня при помощи магии, помнится, как-то раз даже в каменную статую превратил, прослышав о моих скромных подвигах на поприще морского пиратства. Дело выеденного яйца не стоило, обычная мальчишеская шалость, но отец был потрясен до глубины души. Потом, конечно, остыл, устыдился и вернул меня в прежнее состояние, а я был так зол, что несколько дней кряду всерьез обдумывал планы мести, пока не отвлекся на более интересные дела. Однако я всегда понимал, что все эти его выходки продиктованы скорее всплеском эмоций, чем тщательно продуманной стратегией и, по большому счету, совершенно безобидны, что-то вроде пощечины, символизирующей беспомощность и уязвимость самого агрессора.

Теперь же, когда отцу удалось не просто наказать меня, но переделать в соответствии с собственными представлениями об идеальном сыне, я впервые совершенно на него не рассердился, просто отметил, что на этот раз дело зашло слишком далеко. Хумха перегнул палку, превысил полномочия, сунулся, куда его не просили. И, несмотря на то, что результат мне скорее нравился, следовало предпринять меры, чтобы подобное не могло повториться. Проще говоря, уносить ноги.

Я набил еще одну трубку, послал зов своему приятелю, которого несколько дней назад проводил в Куманский Халифат, снабдив многочисленными рекомендациями и советами, вкратце обрисовал ситуацию, спросил, могу ли я

пожить в его квартире, пока буду искать себе подходящее жилье, и получил согласие. Сборы не отняли много времени. Одежда, сшитая на прежний рост, была мне теперь ни к чему, сентиментальной привязанности к сувенирам я не испытывал, книги предпочитал по мере надобности брать в библиотеке Иафаха, пользоваться которой мне позволили и после ухода из Ордена, а к амулетам, изготовленным Хумхой, я даже прикоснуться не хотел. Собрал деньги, драгоценности и курительные принадлежности, взял сумку под мышку, вышел из дома и больше никогда туда не возвращался.

Конечно, я предпринял немало попыток стать таким, как прежде. Собственная внешность всегда была мне более-менее безразлична, я то и дело менял ее при каждом удобном случае, для дела, или просто так, чтобы развлечься, а неведомые прежде спокойствие и благодушие скорее нравились, чем нет, но все-таки я предпочел бы избавиться от последствий отцовской ворожбы. Этого требовало мое чувство собственного достоинства. Однако ни я сам, ни мои приятели из Семилистника, к которым я в конце концов обратился за помощью, не смогли ничего поделать. Все-таки Хумха Йох был великим колдуном, куда нам всем до него.

Я всегда неплохо разбирался в естественных науках; знания эти позволили мне выдвинуть гипотезу, что по мере удаления от Сердца Мира чары, наложенные Хумхой, должны рассеиваться. Не откладывая в долгий ящик, я съездил в Ландаланд, убедился в своей правоте и возликовал, но, поразмыслив, решил, что пока не испытываю желания навсегда переезжать из столицы Соединенного Королевства в провинцию или за границу. Тем более что новый облик и прилагающееся к нему настроение были скорее приятны и удобны, чем нет, а теперь, когда я нашел способ от них избавиться, все это стало хоть немного походить на добровольный выбор.

Виновнику моих метаморфоз я написал письмо и вежливо, но твердо сообщил, что отныне не желаю иметь с ним никаких дел, денег больше не попрошу, а при первом же удобном случае непременно верну все, что брал прежде. Отец был совершенно ошеломлен таким поворотом, он бомбардировал меня письмами, которые я сжигал, не читая, чуть ли не ежедневно пытался связаться со мной при помощи Безмолвной речи, но к тому времени я преуспел в создании защитного барьера, так что задушевный разговор, на который он, не сомневаюсь, рассчитывал, так и не состоялся. Многие, я знаю, считали меня бессердечным, и это довольно близко к правде: я не испытывал ни гнева, ни сочувствия, лишь колоссальное облегчение от принятого решения никогда

больше не встречаться с отцом и не иметь с ним ничего общего. Что сделано, то сделано, думал я, но наступать второй раз на те же грабли я не стану. Мало ли во что он превратит меня в следующий раз. Нет уж, хватит.

Обещание вернуть отцу потраченные на меня деньги я выполнил: выплатил долг Хумхе всего за шесть лет, благо почти сразу получил прекрасную должность при Королевском дворе. Репутация – великое дело, я сам не ожидал, что все окажется настолько просто, стоило лишь задуматься о том, как я буду теперь зарабатывать на жизнь, и блестящие предложения посыпались на меня одно за другим, оставалось выбрать самое выгодное. А двор Его Величества Гурига Седьмого представлялся мне весьма неплохим местом, по крайней мере, для начала.

За несколько дюжин лет я сделал блестящую карьеру при дворе, заодно спас несметное число репутаций и даже пару-тройку жизней, обзавелся немислимым количеством вечных должников и непримиримых врагов (нередко в одном лице), после чего наконец понял, что придворная жизнь мне смертельно надоела и, к неопишному изумлению Короля, позволил интриганам отправить меня в отставку. Его Величество с уважением отнесся к моему выбору и не стал вмешиваться, однако прощаясь, выразил надежду, что у меня найдется время и желание послужить ему в каком-нибудь другом качестве, а в каком именно – это я должен решать сам. В переводе с придворного языка на человеческий это означало обещание назначить меня практически на любое место, которое я захочу занять. Я сказал, что серьезно обдумаю это великодушное предложение, и отправился в Уандук – с тех пор, как отцовская стряпня стала мне недоступна, я утешался воспоминаниями о мастерстве куманских и шиншийских поваров, так что выбрать подходящее место для отпуска было несложно. Тем более что древние секреты Уандука интересовали меня почти в той же степени, что и местная кухня; убедившись к тому времени, что на нашей угуландской Очевидной магии свет клином не сошелся, а выдающихся способностей к так называемой «Истинной» у меня, увы, нет, я решил при случае сунуть нос в тайные дела куманцев и, скажу без ложной скромности, вполне в этом преуспел.

Очарованный открывшимися возможностями, я первое время всерьез подумывал посвятить остаток жизни неспешным путешествиям из Куманского Халифата в Шиншийский и обратно, но довольно быстро заскучал по столичной суете, веселой магии Сердца Мира и, смешно сказать, по благодушному, снисходительному к чужим слабостям умнику, в которого я там превращался.

Так что несколько лет спустя я вернулся в Ехо и тут же принялся искать себе новое занятие. Проблема состояла даже не в том, что уандукские похождения и покупка дома на Гребне Ехо изрядно истощили мой кошелек, просто с возрастом я обнаружил, что для человека моего склада долгое безделье куда более утомительно, чем повседневные труды.

Ответ пришел сам собой и оказался для меня совершенной неожиданностью.

Вскоре после моего возвращения в доме ближайшего соседа, симпатичного старого купца Мухрая Бьятты случилось несчастье. Таинственный грабитель, достаточно умелый и могущественный, чтобы усыпить бдительность нескольких дюжин охранных амулетов, пробрался в дом, вынес оттуда сундук с драгоценностями, а хозяина, когда тот попытался ему помешать, недолго думая, превратил в огромную рыбу и выпустил в Хурон – это я уже потом выяснил, а поначалу считалось, что старик бесследно исчез. Полицейские, как всегда, бездействовали, а когда родственники Бьятты стали скандалить, требуя расследования, недолго думая, арестовали его внука, который жил в доме деда – дескать, если парень не пострадал, значит он и есть преступник. Тот факт, что молодой человек был владельцем доброй половины украденных ценностей и занимал комнаты на третьем этаже, куда грабитель попросту не добрался, во внимание принят не был. Мальчика заперли в одном из подвалов Управления Полного Порядка и почти сразу забыли, на допросы не вызывали, даже кормили через раз.

Дело кончилось тем, что отчаявшиеся родственники моих соседей обратились ко мне, и я с удовольствием принялся за дело. Не вдаваясь в детали, скажу, что нашел и грабителя, и почти все украденные вещи, и, что оказалось самым трудным, самого старика, вернее, рыбу, в которую он превратился; вернуть ему прежний вид я не сумел, но тут пригодилась моя старинная дружба с ребятами из Семилистника, так что Мухрай Бьятта снова стал человеком, хотя от привычки спать в бассейне, насколько мне известно, не избавился до самой смерти. Ну да невелика беда.

Но сложнее всего оказалось убедить полицейское начальство взять под стражу пойманного мною грабителя и, соответственно, выпустить Бьятту-младшего. Дескать, знать ничего не желаем, мало ли кого вы тут нам привели, настоящий преступник уже давно арестован, вот, кстати, пора бы его опять допросить, вдруг признается.

Отчаявшись добиться от полицейских мало-мальски разумного поведения, я запер грабителя в собственном подвале, благо с моими охранными амулетами он справиться не мог, и отправился к Королю. Роль ябедника никогда меня не прельщала, но уж больно эти дурни из полиции меня рассердили. Ну и мальчишку надо было выручать, как ни крути.

Король внимательно меня выслушал и тут же все уладил, а мне сказал буквально следующее: вместо того, чтобы жаловаться на существующее положение дел, следует его изменить. И добавил, что в роли начальника полиции Правого Берега от меня будет куда больше пользы, чем от любого другого гражданина Соединенного Королевства. Дескать, он сам теперь удивляется, почему не подумал об этом раньше, да и я хорош: давно мог бы понять, что это занятие подходит мне куда больше, чем любое другое.

Сказать, что я был изумлен, – значит ничего не сказать. Но открыто возражать Королю не решился, только попросил дать мне время на размышления. Гуриг согласился, но велел не упускать из виду: пока я думаю, нынешний начальник полиции будет по-прежнему занимать свое место, потому что выгнать его взащей – дело нескольких минут, но заменить, увы, некем. Это был очень серьезный аргумент. Я-то намеревался тянуть паузу как минимум полгода, но пришлось уложиться в два часа, да и те я потратил в основном на прощание с мечтами о спокойной, размеренной жизни и необременительных трудах на досуге. Впрочем, если бы я был способен заглянуть в будущее и своими глазами увидеть, что мне предстоит, я бы, пожалуй, все-таки сбежал обратно в Куманский Халифат, на худой конец занялся бы там торговлей рабами – а что, прекрасная профессия, и дней свободы от забот уж всяко побольше, чем у полицейских.

Однако я был все еще молод и неопытен, а потому никуда не сбежал.

...Добрая дюжина лет ушла у меня только на то, чтобы полностью сменить кадры. Ясно, что городская полиция – не магический Орден, лучших из лучших туда на службу не зазовешь, как ни старайся. Моя задача выглядела куда скромнее: найти и набрать к себе хоть мало-мальски сообразительных, здравомыслящих и способных к обучению людей. Но особенно высоко я ценил в подчиненных храбрость и – я знаю, это признание в моих устах прозвучит довольно неожиданно – доброе сердце. Полицейский, которого легко напугать, смешон; полицейский, равнодушный к чужому горю, страшен – эта нехитрая

формула будет весьма неуместно выглядеть на страницах ученого трактата, зато на практике – самое то, цены ей нет.

Отбирая и обучая своих ребят, я учился вместе с ними. В сущности, я оказался совершенно не готов к своей роли. Кто бы мог подумать, что изо дня в день поддерживать порядок на городском рынке много сложнее, чем распутывать хитроумные придворные, или даже орденские интриги? А если учесть, что рынков в столице несколько дюжин, можно представить, насколько серьезно я влип. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что в первые годы был всего лишь меньшим злом, чем мой одиозный предшественник – невелико достижение. Но время всегда работает на того, кто готов учиться, не жалея себя, так что уже пару лет спустя слово «полицейский» перестало звучать в устах горожан как оскорбление. Люди понемногу привыкали к мысли, что в случае неприятностей можно смело обращаться в Управление Полного Порядка: не факт, что там непременно помогут, но, по крайней мере, в подвале не запрут и пинком на улицу не вышвырнут, а внимательно выслушают и даже кружку камры нальют в утешение. Ну а когда вмешательство полиции приносило реальную пользу, на нас смотрели как на великих чудотворцев, сколь бы скромным не казалось это достижение нам самим. Прошло еще немного времени, и столичные мальчишки начали с удовольствием играть в полицейских, а бывшие приятели, прекратившие со мной всякие отношения, когда я вступил в должность, принялись слать письма с извинениями; впрочем, у меня не было времени их читать. Да что там письма, о смерти родного отца я узнал из ежевечернего рапорта о прискорбных происшествиях, не требующих расследования, а потом до конца года не мог выкроить полдня, чтобы получить причитающуюся мне по завещанию часть наследства – впрочем, более чем скромную. Работа захватила меня целиком, к тому времени я как раз научился получать от нее такое удовольствие, что окончательно перестал мечтать не только об отставке, но даже об отпуске. Уйти и пропустить все самое интересное?! Ну уж нет.

К началу бурной эпохи, которую теперь называют Смутными Временами, вверенная мне Правобережная полиция была уже более-менее готова к тому, чтобы совершить невозможное. Конечно, о поддержании идеального порядка в столице государства, где полным ходом идет гражданская война, не могло быть и речи. Но в том, что большая часть зданий избежала разрушения, ремесленники, знахари и торговцы продолжали заниматься своими делами, уличные грабежи не стали нормой, а в порт по-прежнему заходили иноземные торговые корабли, есть наша немалая заслуга. Слушая легенды, которые до сих пор рассказывают обо мне в столице, я и сам с трудом в них верю, хотя кому

как не мне знать, что все это не просто правда, но малая и, положила руку на сердце, не самая интересная ее часть.

После принятия Кодекса Хрембера я принял предложение Джуффина Халли и занял место Мастера Слышащего в Тайном Сыске, уж больно хороши были предложенные условия: увлекательная работа, особое положение, одно из самых высоких жалований за всю историю Соединенного Королевства, почти неограниченные представительские расходы и свободное расписание. Впрочем, с точки зрения моего нового начальства это заманчивое словосочетание означало круглосуточную занятость, так что тут я, конечно, дал маху.

Кроме всего, я с самого начала прекрасно понимал, что самое интересное теперь будет происходить на этой половине Управления Полного Порядка.

А возможность быть в курсе последних новостей я всегда считал немаловажной частью платы за мой труд.

Как и следовало ожидать, мои старые, опытные сотрудники не ужились с новым начальством и с удовольствием воспользовались возможностью уйти в почетную отставку, поэтому нынешняя городская полиция – это уже, конечно, совсем не то. Но худо-бедно работает, людям особо не вредит – и хвала Магистрам. В любом случае, меня это уже давно не касается. Я – живая легенда, историческая реликвия, какой с меня спрос.

К тому моменту, о котором пойдет речь, я уже почти четыре дюжины лет прослужил в Тайном Сыске. Это означает, что по-настоящему трудные времена давно миновали. Соединенное Королевство оправилось от последствий Смутных Времен и войны за Кодекс, граждане худо-бедно, а привыкли соблюдать новые законы, самые отчаянные мятежники сидели в Холоми, а прочие пребывали в изгнании и, хвала Магистрам, навещали столицу далеко не каждый день. Я стал регулярно ночевать и даже завтракать дома – неслыханная роскошь. Это что, Джуффин даже жениться как-то ухитрился, а ведь мое так называемое «свободное расписание» выглядело таковым только на фоне его напряженного графика. Впрочем, если верить слухам, его жена вечно была занята какими-то невообразимыми делами, о которых никто ничего толком не знал, зато фантазировали, не ведая меры. В столице ее боялись куда больше, чем самого Джуффина, к которому, в конце концов, просто успели привыкнуть. Ребята из Семилистника, помнится, всю судачили, будто Кеттариец сдуру женился на древнем Магистре, похитившим прекрасное женское тело после того,

как до дыр износил собственное. Зная Джуффина много лет, не думаю, что он мог так ошибиться; с другой стороны, с него бы вполне случилось совершить подобный поступок совершенно сознательно. Впрочем, все это не моего ума дело, пусть он сам рассказывает вам о своей семейной жизни, если пожелает.

Народу в Тайном Сыске тогда было поменьше, чем теперь: я, Джуффин Халли, Ренива Калайматис, его секретарь и официальный представитель Ордена Семилистника в одном лице, покойный Мастер Преследования Тотохатта Шломм и Шурф Лонли-Локли, который в те дни еще носил Мантию Смерти и официально считался самым опасным существом в Соединенном Королевстве – это все. Джуффин, помню, вечно зудел, что еще пара-тройка сотрудников ему бы не помешала, да где их, дескать, взять, и был по-своему прав. Зато все мы состояли в Тайном Сыске с момента его создания и за сорок пять лет успели отлично сработаться. Когда я был начальником Правобережной полиции, запутанные расследования и опасные стычки казались мне желанным отдыхом от непрерывного обучения бестолковой молодежи, с тех пор я превыше всего ценю в коллегах способность понимать меня и друг друга с полуслова, а нам, как правило, взгляда было достаточно. Особенно хороши были ежедневные совещания, которые обычно начинались в полной тишине и завершались три минуты спустя фразой Джуффина: «Ну да, можно и так». Позже, когда у нас все-таки появились новые сотрудники, старой гвардии пришлось стать гораздо многословней; впрочем, в этом тоже можно находить определенное удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/maks-fray/gore-gospodina-gro-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)